

10.7. ВОЗМОЖНОСТИ РАЦИОНАЛЬНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ПЛАТЕЖЕЙ ОТ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ

Киреев В.Л., аспирант

*Всероссийская государственная налоговая
академия Минфина РФ*

Финансовые возможности предприятий реального сектора экономики весьма ограничены. Это обусловлено в том числе некорректным использованием природных ресурсов узким кругом лиц в собственных интересах. Необходим новый подход со стороны государства в отношении перераспределения сырьевых сверхприбылей во благо всего населения страны. Для выбора оптимального сценария развития такого политического и социально-экономического направления интересным является исследование зарубежного опыта использования природной ренты.

В последние годы страны, чья экономика в значительной степени зависит от природной ренты, являются предметом постоянного обсуждения как среди международных академических, так и политических кругов.

Природная рента – это сверхприбыль, получаемая при использовании ограниченных разнокачественных природных ресурсов и присваиваемая собственниками этих ресурсов. В зависимости от видов ресурсов различают ренту земельную (сельскохозяйственную, городскую), горную, или минеральную, (т.е. получаемую от эксплуатации нефтегазовых и горнорудных месторождений), лесную, водную, рыбную, транспортную и туристскую. Выделяют три основные формы природной ренты:

- дифференциальная рента. Ее получают при эксплуатации лучших по качеству и местоположению земельных участков, месторождений полезных ископаемых, лесных массивов, водных источников, туристских объектов и т.п. Дифференциальная рента 1-го рода отражает различия в естественном качестве и местоположении эксплуатируемых природных ресурсов;
- монополярная природная рента достается собственникам уникальных природных ресурсов;
- квази-рента, или дифференциальная рента 2-го рода, возникает в результате использования более эффективных технологий, позволяющих повышать плодородие земельных участков, отдачу нефтеносных пластов, степень извлечения полезных ископаемых при их добыче и т.п.

По территориальному признаку различают ренту локальную, региональную, национальную и мировую – в зависимости от масштабов рынков, на которых реализуются товары добывающих отраслей промышленности, сельского хозяйства.

Присвоение ренты собственниками природных ресурсов выравнивает условия конкуренции для предпринимателей, занимающихся эксплуатацией этих ресурсов. Предприниматели могут присваивать природную ренту лишь в том случае, когда они являются собственниками этих ресурсов. Динамика природной ренты зависит от изменения уровней и соотношений цен. В периоды скачка мировых или внутренних цен на продукты, получаемые с использованием ограниченных природных ресурсов, ее объем и норма возрастают. Государство законодательно регулирует рентные отношения в стране в зависимости от формы собственности. Оно присваивает основную часть ренты при эксплуатации принадлежащих ему недр и других природных ресурсов.

Стимулом к возобновлению дискуссии на тему «Природная (в частности, минеральная) рента и устойчивый экономический рост» послужил ряд новых исследований, в том числе и работа группы экспертов Всемирного банка под руководством А. Гелба – «Нефтяной дождь: благословение или проклятье?» [11]. Не вдаваясь в детальное рассмотрение этих работ, следует отметить, что их выводы во многом совпадают. Большинство исследователей данной проблемы пришли к заключению, что результаты развития стран, обладающих (или обладавших в прошлом) важными, с точки зрения мирового спроса, природными ресурсами (и значительной природной рентой), являются смешанными. Наряду с примерами успешного освоения природной ренты, в частности, в качестве источника финансирования индустриализации (США, Швеция, Австралия, Бразилия и некоторые другие), есть множество примеров и неэффективного ее использования, когда природная рента употребляется, главным образом, на цели личного обогащения элит или расходуется на финансирование нерентабельных и неконкурентных производств. К числу таких стран относят Нигерию, Конго, Анголу, Венесуэлу, Заир, Тринидад и Тобаго и ряд других государств.

Немаловажную роль в абсорбировании природной ренты играют и такие факторы, как стартовый уровень развития страны и продолжительность периода присвоения природной ренты. Большинство исследователей данной проблемы считают, что риск неэффективного использования природной ренты в странах со слабо развитой экономикой и узким рынком намного выше, чем в странах с диверсифицированной экономикой и рынком. Однако относительно невысокий уровень развития страны ни в коей мере не снижает риска заболевания «голландской болезнью». Возникновение термина «голландская болезнь» [11] связано с открытием в конце 1950-х – начале 1960-х гг. месторождений природного газа в принадлежащей Нидерландам части Северного моря. Последовавший за этим рост экспорта природного газа повлек за собой существенное удорожание национальной валюты, что негативным образом сказалось на других экспорториентированных отраслях. Когда речь идет о «голландской болезни», в первую очередь подразумевается рост реального обменного курса за счет увеличения объемов экспорта одних отраслей, что оказывает негативное воздействие на другие отрасли и на экономику в целом, т.е. «голландская болезнь» – это когда производственные ресурсы перетекают из промышленности в сырьевой сектор, а также сектор услуг (неторгуемых товаров). Однако такой взаимосвязью «голландская болезнь» не исчерпывается. Существуют и другие механизмы негативного влияния. Поскольку цены ресурсов подвержены существенным колебаниям, определяемым конъюнктурой мировых рынков, обменный курс колеблется вместе с ценами экспортируемых ресурсов тем больше, чем большую долю эти ресурсы занимают в общем объеме экспорта. Высокая волатильность курса национальной валюты негативным образом сказывается и на отраслях, связанных с внешней торговлей (как на отраслях-экспортерах, так и на импортерах), и на объеме иностранных инвестиций в экономику страны. Если национальная промышленность в значительной степени зависит от импорта (например, экономика специализируется на переработке импортируемых полуфабрикатов), то нестабильность обменного курса будет иметь негативный эффект на всю экономику. При-

ток капитала в страну увеличивает потребительский спрос, однако испытывающая давление «голландской болезни» промышленность не успевает за ростом доходов, что усиливает инфляцию.

С другой стороны, длительное присвоение природной ренты повышает риск соблазна решить внутренние проблемы путем простого вливания «минеральных долларов» в экономику, не заботясь о перспективах и устойчивости процесса экономического и социального развития в целом. Подобные массовые вливания могут усугубить или породить структурные социально-экономические проблемы, которые в свою очередь могут стать источником дестабилизации воспроизводственного процесса и социально-экономических отношений в стране. В качестве примера можно привести некоторые страны Персидского залива и Африки, где массовые инъекции природной ренты в отдельные сферы разладили механизмы взаимозависимости экономических и социально-политических процессов. Это в свою очередь способствовало углублению разрыва между ожиданиями социальных и этнических групп и возможностями их реализации. В результате, социально-политическое равновесие было нарушено, и общество раскололось (например, Конго, Алжир, Саудовская Аравия, Ангола и Нигерия). Основываясь на анализе эмпирических данных, некоторые исследователи высказывают предположение, что экономическое развитие богатых природными ресурсами, но слабо развитых стран по сравнению со странами, малообеспеченными в этом отношении, в большей степени подвержены риску:

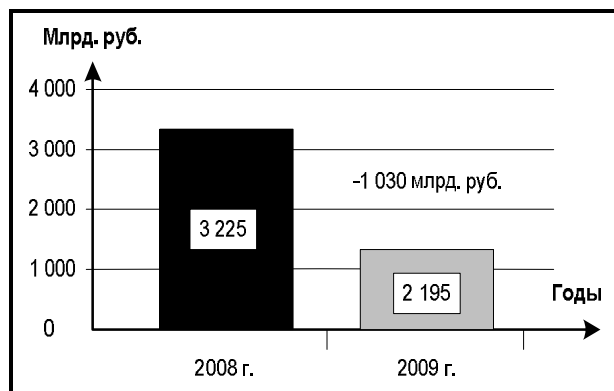
- неустойчивости экономического развития;
- некачественного экономического роста (с точки зрения экономической эффективности, диверсификации и расширения производства, а также роста уровня и качества жизни населения);
- формирования глубоких структурных (отраслевых и секторальных) диспропорций;
- высокой уязвимости экономики от внешних шоков, вызываемых резкими колебаниями цен на минеральное сырье.

Наряду с вышеперечисленными рисками, многие исследователи указывают на высокую вероятность возникновения и других негативных тенденций, как-то: рост коррупции, обострение борьбы за контроль над источниками ренты среди национальных или этнических элит (например, в Нигерии, Анголе и ряде других развивающихся стран) [2].

Проблемы, отмечаемые в указанных исследованиях, не могут не вызывать беспокойства в связи с устоявшейся тенденцией к повышению зависимости социально-экономического развития Российской Федерации от природных ресурсов на фоне продолжающейся деиндустриализации. Так, согласно материалам Федеральной налоговой службы РФ (ФНС РФ), налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ) в январе-сентябре 2009 г. поступило в федеральный бюджет около 680,5 млрд. руб., в том числе на добычу нефти – 613,2 млрд. руб.

По сравнению с январем-сентябрем 2008 г. поступления НДПИ снизились в 1,9 раза, что в основном обусловлено снижением цены на нефть: с 106,3 долл. в декабре 2007 г. – августе 2008 г. до 50,7 долл. в декабре 2008 г. – августе 2009 г., или в два раза.

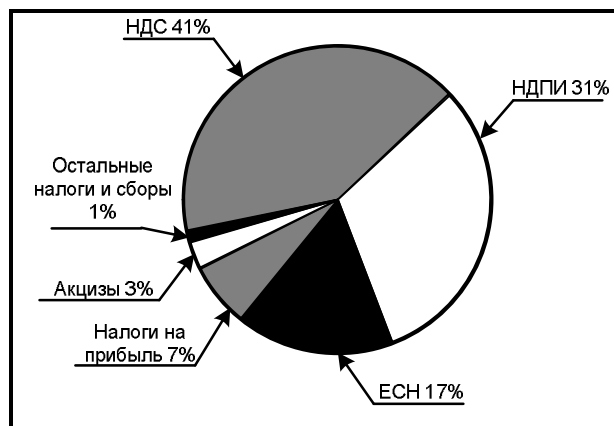
Всего в январе-сентябре 2009 г. в федеральный бюджет поступило 2 195 млрд. руб. администрируемых доходов, что на 32% меньше, чем в январе-сентябре 2008 г.

Рис. 1. Показатели поступления администрируемых ФНС РФ доходов в федеральный бюджет в январе-сентябре 2008-2009 гг.

Основная масса администрируемых ФНС РФ доходов федерального бюджета обеспечена поступлениями:

- налога на добавленную стоимость (НДС) – 41%;
- НДСП – 31%;
- единый социальный налог (ЕСН) – 17%;
- налог на прибыль – 7%.

Рис. 2. Структура поступления администрируемых ФНС РФ доходов в федеральный бюджет в январе-сентябре 2009 г.

Поступления налога на прибыль организаций в федеральный бюджет в январе-сентябре 2009 г. составили 143 млрд. руб. По сравнению с январем-сентябрем 2008 г. поступления снизились в 4,2 раза. Снижение поступлений обусловлено ухудшением результатов финансово-хозяйственной деятельности организаций (ростом количества убыточных организаций и суммы полученного убытка с одновременным снижением количества прибыльных организаций и суммы полученной ими прибыли) и снижением с 2009 г. ставки налога, зачисляемого в федеральный бюджет, с 6,5% до 2%.

Поступления ЕСН, зачисляемого в федеральный бюджет, в январе-сентябре 2009 г. составили 376 млрд. руб. и по сравнению с январем-сентябрем 2008 г. выросли на 6 млрд. руб. или на 1,6%.

Поступления НДС на товары (работы, услуги), реализуемые на территории РФ, в январе-сентябре 2009 г. составили 889 млрд. руб. и по сравнению с январем-сентябрем 2008 г. выросли на 11,1%.

НДС на товары, ввозимые на территорию РФ из Республики Беларусь, поступило в январе-сентябре

2009 г. 22 млрд. руб., что на 30% меньше, чем в январе-сентябре 2008 г.

Поступления по сводной группе акцизов в федеральный бюджет составили в январе-сентябре 2009 г. около 60 млрд. руб. и снизились относительно января-сентября 2008 г. в полтора раза. Снижение поступлений по сводной группе акцизов в федеральный бюджет обусловлено изменением законодательства в части акцизов на нефтепродукты. С 2009 г. уплата акцизов на автомобильный бензин, дизельное топливо и моторные масла осуществляется в бюджет субъекта РФ в полном объеме.

НДПИ в январе-сентябре 2009 г. поступило в федеральный бюджет около 680,5 млрд. руб., в том числе на добычу нефти – 613,2 млрд. руб. По сравнению с январем-сентябрем 2008 г. поступления НДПИ снизились в 1,9 раза, что обусловлено снижением цены на нефть (с 106,3 долл. в декабре 2007 г. – августе 2008 г. до 50,7 долл. в декабре 2008 г. – августе 2009 г., или в 2,0 раза).

Страховых взносов, зачисляемых в Пенсионный фонд РФ, в январе-сентябре 2009 г. поступило 933,3 млрд. руб., что на 1,4% больше, чем в январе-сентябре 2008 г.

В Фонд социального страхования (без учета суммы расходов, произведенных налогоплательщиками на цели государственного социального страхования (суммы выплаченных пособий по временной нетрудоспособности, по беременности и родам и др.) в январе-сентябре 2009 г. поступило 42,4 млрд. руб., что на 15% меньше, чем в январе-сентябре 2008 г.

В Федеральный фонд обязательного медицинского страхования в январе-сентябре 2009 г. поступило 66,4 млрд. руб., что на 2% больше, чем в январе-сентябре 2008 г.

В территориальные фонды обязательного медицинского страхования в январе-сентябре 2009 г. поступило 116 млрд. руб., что на 1% больше, чем в январе-сентябре 2008 г.

Растущий приток «нефтедолларов» в РФ рассматривается многими специалистами не только как позитивный фактор экономического роста, но и как причина чрезмерного укрепления курса рубля, высокой инфляции и торможения развития обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства и высокотехнологичных отраслей экономики. Они проводят аналогии между современной экономической ситуацией в РФ и «голландской болезнью». На заседании Совета по конкурентоспособности и предпринимательству 6 сентября 2006 г. о ней упоминал председатель Правительства РФ. В чем же заключается «голландская болезнь», действительно ли РФ ею «заболела», насколько опасна она для отечественной экономики и как ее лечить? Единства мнений по этим вопросам в экономической науке нет. Согласно узкому определению, «голландская болезнь» заключается в деиндустриализации экономики в результате открытия нового источника природного ресурса. Ее механизмом является рост курса национальной валюты страны вследствие улучшения торгового баланса, что делает продукцию отраслей обрабатывающей промышленности менее конкурентоспособной. Это определение относится ко всем несырьевым отраслям экономики, производящим торгуемый (traded или tradeable) продукт, т.е. продукцию и услуги, которые можно свободно экспортировать и импортировать. В отличие от этих отраслей (Т-сектора) в любой стране существуют отрасли, производящие нетор-

гуемый (non-traded или non-tradeable) продукт (Н-сектор). К Н-сектору относится государственный сектор экономики (оказывающий, например, услуги по обеспечению национальной и общественной безопасности, государственному управлению), автомобильное и жилищно-коммунальное хозяйство, сфера услуг населению и т.п. Н-сектор не конкурирует с иностранными товаропроизводителями вследствие нетранспортабельности выпускаемых им услуг и продуктов.

Поскольку при открытии и разработке богатого месторождения сырья страна получает значительный объем природной ренты, душевые показатели валового внутреннего продукта (ВВП) и реальных доходов населения растут. Поэтому общий рост спроса приводит к росту выпуска неторгуемых товаров в Н-секторе, которые нельзя импортировать в обмен на экспортируемое сырье (raw material), производимое в М-секторе. Приоритетности в Н-секторе при этом может поглотить высвобождающуюся из Т-сектора рабочую силу. Почему же тогда «голландская болезнь» считается столь негативным явлением?

- Во-первых, возникает трудная проблема изъятия и перераспределения рентных доходов. Они могут быть присвоены владельцами месторождений, а доходы большинства граждан при этом сократятся или останутся неизменными, либо будут расти более низкими темпами. Это приводит к высокой дифференциации доходов и социальному неравенству, рассматриваемому многими экономистами и политиками (например, в скандинавских странах) как чрезвычайно негативное явление. Чтобы этого не случилось, государство должно изымать природную ренту с помощью налогов (включая экспортные пошлины) или платы за пользование недрами, находящимися в государственной собственности. Однако нигде еще не удалось этого сделать безболезненно и эффективно.
- Во-вторых, даже при полном изъятии природной ренты государством и справедливым ее распределении между гражданами могут возникнуть проблемы региональной несбалансированности спроса и предложения продуктов. Поскольку Н-сектор производит нетранспортабельные виды продукции и услуг, их нельзя перемещать из одного региона (или населенного пункта) в другой. В такой пространственно протяженной стране, как РФ, дифференциация обеспеченности населения услугами велика, а единый рынок труда по существу отсутствует. Поэтому рост спроса на неторгуемый продукт приводит к росту цен на него при одновременном сокращении выпуска торгуемого продукта и росте безработицы в тех регионах, в которых он производился. А это в целом по стране означает и макроэкономическую несбалансированность экономики.
- В-третьих, важным аспектом «голландской болезни» является ее развертывание во времени. Резкое сокращение производства торгуемого продукта и занятости в Т-секторе означает возникновение убыточности и банкротства предприятий обрабатывающей промышленности, сельского хозяйства, а также высокотехнологичных отраслей экономики. Это приводит к высокой структурной безработице и снижению заработной платы многих категорий занятых, особенно в наукоемких отраслях, обладающих высокой квалификацией. Ведь нелегко перекалифицироваться из исследователя фармацевтической или авиакосмической компании в работника торговли. Происходит также недоамортизация вложенного в развитие предприятий Т-сектора капитала. Временно возникают «узкие места» в производстве неторгуемого продукта, что приводит к росту структурной инфляции. Поскольку освоение крупных месторождений углеводородов занимает многие годы, структурный кризис также может затянуться надолго. А это вызывает уже застойную безработицу и устойчивые инфляционные ожидания.

- В случае истощения месторождения природного ресурса может начаться структурный и валютно-финансовый кризис, подобный «ломке» у наркомана, лишённого наркотика. Выздоровление от «голландской болезни» может оказаться еще тяжелее, чем структурный кризис при ее начале.
- В-четвертых, для рынков сырьевых товаров характерна сильная неустойчивость цен. Это порождает сильную макроэкономическую нестабильность. В период повышенных цен происходит укрепление курса национальной валюты и обострение «голландской болезни». После падения цен происходит ухудшение торгового баланса и девальвация национальной валюты, что порождает всплеск инфляции. При этом происходит обратная структурная перестройка экономики – ускоренный рост Т-сектора, т.е. страна-экспортер сырья постоянно находится в состоянии структурной, региональной и макроэкономической несбалансированности. «Голландская болезнь» таким образом может возникнуть и вследствие резкого роста цен на минеральное сырье, поскольку влияние на экономику страны-экспортера роста цен на него схоже с влиянием роста добычи.
- В-пятых, даже если отвлечься от проблемы неустойчивости во времени цен на сырье, возникает вопрос: является ли вообще наличие возможностей добывать и экспортировать сырье, присваивая природную ренту, благом для РФ? Некоторые исследователи считают, что богатство страны природными ресурсами является негативным фактором экономического развития, или «ресурсным проклятием» (resources curse). По мнению их оппонентов, специализация на экспорте сырья является естественной для РФ и она не должна с помощью протекционистских мер стимулировать развитие Т-сектора. По мнению многих экономистов, РФ торгует именно теми товарами, которыми и следует торговать. Дальнейший рост российской экономики будет достигаться за счет добычи, переработки и экспорта природных ресурсов. Помимо этого, РФ обладает огромными преимуществами благодаря наличию богатых запасов энергоносителей». Однако существуют закономерности технико-экономического развития, которые не укладываются в эту логику.

Для Т-сектора в наибольшей степени характерны позитивные экстерналии (внешние эффекты), связанные с научно-техническим прогрессом. Как известно из теории эволюции технико-экономических систем, развитие наукоемких и высокотехнологичных отраслей приводит к диффузии технологий-процессов в другие отрасли экономики. Кроме того, для современного научно-технического прогресса характерно постоянное обновление выпускаемой продукции с освоением изделий, имеющих повышенные потребительские свойства. Их разработка требует крупных затрат на научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок, которые распределяются на весь объем выпускаемой продукции. Возникает «эффект отдачи от масштаба», из-за которого совершенно нерентабельно выпускать несколько самолетов или несколько тысяч автомобилей новой модели. Для Т-сектора характерно также явление «обучение действием» (learning by doing). Из-за него освоение высокотехнологичных изделий возможно только при наличии опыта выпуска менее сложных изделий. По этому пути идет в настоящее время Китай. Российская экономика двигалась до сих пор в противоположном направлении, теряя накопленные научно-технические заделы и утрачивая потенциал производства высокотехнологичных вооружений, на закупку которых государство не выделяло средства г.ми. Теперь, когда такие средства начали выделяться в большем объеме, выявляются «узкие места» в технологических цепочках производства технически сложных изделий, возникшие вследствие

перепрофилирования производства комплектующих изделий на выпуск продукции, простой в изготовлении.

Для функционирования конкурентоспособного Т-сектора требуется армия инженеров, дизайнеров и исследователей, имеющих высокую квалификацию. В то же время квалификационные требования к работникам Н-сектора, как правило, гораздо ниже. В наибольшей степени с понятием Н-сектора ассоциируется сфера личных услуг населению и услуг, оказываемых государством. Для них характерны наименьшие темпы роста производительности труда. Следовательно, расширение этих сегментов экономики – не самый эффективный путь к обеспечению устойчивого экономического развития и заметного (многократного) повышения благосостояния граждан.

В целом напрашивается вывод: «голландская болезнь» действительно порождает множество негативных последствий макроэкономического, структурного и регионального характера.

Проведем небольшое статистическое исследование с целью подтверждения присутствия основных характеристик «голландской болезни» в РФ:

- рубль начал укрепляться, и его обменный курс повышается;
- падение темпов роста инфляции замедлилось (так, инфляция в 2009 г. составила около 8,8%, об этом заявил и премьер-министр РФ В. Путин, выступая на съезде партии «Единая Россия». В 2008 г. инфляция составляла 13,3%;
- объем экспорта намного превышает объем импорта. По данным таможенной статистики, в январе-марте 2009 г. внешнеторговый оборот РФ составил 90,4 млрд. долл. США (с учетом данных о торговле с Республикой Белоруссией) и по сравнению с январем-мартом 2008 г. уменьшился на 44,7%, в том числе со странами дальнего зарубежья – 77,7 млрд. долл. (снижение на 44,4%), со странами СНГ – 12,7 млрд. долл. (снижение на 46,6%).

Сальдо торгового баланса сложилось положительное в размере 23,4 млрд. долл., что на 30,3 млрд. долл. меньше, чем в январе-марте 2008 г. При этом в торговле со странами дальнего зарубежья сальдо равнялось 18,7 млрд. долл. (уменьшение на 26,7 млрд. долл.), со странами СНГ – 4,6 млрд. долл. (уменьшение на 3,6 млрд. долл.).

Экспорт РФ в январе-марте 2009 г. составил 56,9 млрд. долл., и по сравнению с январем-мартом 2008 г. уменьшился на 47,6%, в том числе в страны дальнего зарубежья – 48,3 млрд. долл. (снижение на 47,9%), в страны СНГ – 8,6 млрд. долл. (снижение на 46,0%).

Сокращение стоимостного объема экспорта РФ в январе-марте 2009 г. по сравнению с январем-мартом 2008 г. произошло как за счет падения средних цен экспортированных товаров, так и по причине снижения физических объемов экспортных поставок. Индекс средних цен экспорта в январе-марте 2009 г. составил 55,8% от их уровня в январе-марте 2008 г., тогда как индекс его физического объема сократился в меньшей степени и составил 85,9%.

Основу российского экспорта в январе-марте 2009 г. в страны дальнего зарубежья составили топливно-энергетические товары, удельный вес которых в товарной структуре экспорта в эти страны составил 67,9% (в январе-марте 2008 г. – 73,1%).

В январе-марте 2009 г. по сравнению с январем-мартом 2008 г. стоимостной объем топливно-энергетических товаров сократился на 51,7%. Среди товаров топливно-энергетического комплекса возросли физические объемы экспорта в страны дальнего зарубежья

кокса – на 14,3%, электроэнергии – на 21,0%, нефтепродуктов – на 12,1%, в том числе:

- бензина автомобильного – на 32,8%;
- дизельного топлива – на 11,7%;
- мазута – на 12,7%.

Физический объем экспорта российского газа природного снизился на 61,0%. Поставки угля каменного и нефти сырой остались на уровне января-марта 2008 г.

В общем стоимостном объеме экспорта в страны дальнего зарубежья возросла доля металлов и изделий из них с 12,1% в январе-марте 2008 г. до 13,1% в январе-марте 2009 г.. Физические объемы экспорта черных металлов и изделий из них снизились на 23,7%, в том числе: полуфабрикатов из железа и нелегированной стали – на 21,5%, чугуна – на 22,1%; возросли физические объемы экспорта проката плоского из железа и нелегированной стали – на 4,4%. Физические объемы поставок меди возросли в 2,1 раза, а никеля и алюминия снизились на 20,6% и 2,4% соответственно.

В товарной структуре экспорта доля продукции химической промышленности в январе-марте 2009 г. составила 6,6% (в январе-марте 2008 г. – 5,4%). По сравнению с аналогичным периодом прошлого г. стоимостной объем этой продукции сократился на 35,8%. Физические объемы поставок товаров химической промышленности снизились практически по всем товарным группам Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности (ТНВЭД).

Доля экспорта лесоматериалов и целлюлозно-бумажных изделий в январе-марте 2009 г. составила 3,0% (в январе-марте 2008 г. – 2,7%). По сравнению с январем-мартом 2008 г. снизились физические объемы экспорта:

- необработанных лесоматериалов на 54,4%;
- пиломатериалов – на 24,7%;
- фанеры – на 22,1%, целлюлозы – на 28,9%.

Доля экспорта машин и оборудования в январе-марте 2009 г. составила 3,6% (в январе-марте 2008 г. – 2,5%). Стоимостной объем поставок средств наземного транспорта (кроме железнодорожного) увеличился на 45,6%; вместе с тем сократились поставки электрооборудования – на 13,1%, механического оборудования – на 22,2%.

Доля экспорта продовольственных товаров в январе-марте 2009 г. составила 2,7% (в январе-марте 2008 г. – 0,7%). Стоимостной объем поставок продовольственных товаров возрос по сравнению с январем-мартом 2008 г. на 88,1%.

В структуре экспорта в страны СНГ в январе-марте 2009 г. доля топливно-энергетических товаров составила 35,9% от всего экспорта в эти страны, что на 8,9 процентных пункта ниже, чем в январе-марте 2008 г.. Стоимостной объем экспорта топливно-энергетических товаров снизился по сравнению с январем-мартом 2008 г. на 59,6%. Физические объемы экспорта нефти возросли на 5,5%. Поставки угля каменного снизились на 58,4%, газа природного – на 49,8%, нефтепродуктов – на 25,8%, в том числе:

- дизельного топлива – на 50,7%;
- мазута – на 45,1%.

В товарной структуре экспорта в страны СНГ доля металлов и изделий из них в январе-марте 2009 г. составила 16,9% (в январе-марте 2008 г. – 12,7%). Стоимостной объем данной товарной группы снизился по сравнению с январем-мартом 2008 г. на 33,0%. Физический объем экспорта черных металлов и изделий из них снизился на 37,8%, в том числе:

- полуфабрикатов из железа и нелегированной стали – на 65,3%;
- проката плоского из железа и нелегированной стали – на 57,3%.

Доля машин и оборудования в январе-марте 2009 г. составила – 14,0% (в январе-марте 2008 г. – 18,0%). Снижение стоимостных объемов экспорта продукции машиностроения наблюдалось по всем товарным группам ТНВЭД.

Удельный вес продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья в товарной структуре экспорта в страны СНГ в январе-марте 2009 г. составил 12,6% (в январе-марте 2008 г. – 6,8%), продукции химической промышленности – 10,0% (9,5%), лесоматериалов и целлюлозно-бумажных изделий – 6,0% (4,4%). Стоимостные объемы экспорта указанных товарных групп снизились по сравнению с январем-мартом 2008 г. на 6,3%; 46,5% и 31,4%, соответственно.

Импорт РФ в январе-марте 2009 г. составил 33,5 млрд. долл. и по сравнению с январем-мартом 2008 г. снизился на 39,0%, в том числе из стран дальнего зарубежья – 29,4 млрд. долл. (снижение на 37,5%), из стран СНГ – 4,1 млрд. долл. (снижение на 47,9%).

Снижение стоимости российского импорта в январе-марте 2009 г. обусловлено как снижением средних цен ввезенных товаров, так и падением их физических объемов. Средние цены импорта в январе-марте 2009 г. по сравнению с январем-мартом 2008 г. снизились незначительно, и их индекс составил 96,4%, тогда как индекс физического объема импорта сократился до 59,2%.

В товарной структуре импорта из стран дальнего зарубежья на долю машин и оборудования в январе-марте 2009 г. приходилось 45,6% (в январе-марте 2008 г. – 55,2%). По сравнению с январем-мартом прошлого года стоимостной объем импорта машиностроительной продукции уменьшился на 48,3% за счет снижения закупок механического оборудования на 39,5%, средств наземного транспорта (за исключением железнодорожного) – на 64,7%, электрооборудования – на 46,0%, инструментов и аппаратов оптических – на 35,4%. Физический объем ввоза легковых автомобилей сократился на 66,2%, грузовых – на 75,2%.

Доля импорта продовольственных товаров и сырья для их производства в товарной структуре составила 17,5%, что на 4,3 процентных пункта выше, чем в январе-марте 2008 г. Стоимостной объем ввоза продовольственных товаров сократился на 17,5%. Уменьшились физические объемы закупок:

- мяса свежего и мороженого уменьшились на 39,0%;
- мяса птицы – на 37,8%;
- свежемороженой рыбы – на 3,5%;
- сыров и творога – на 22,5%;
- чая – на 23,7%.

Удельный вес продукции химической промышленности в товарной структуре импорта составил 16,1% против 14,3% в январе-марте 2008 г.. Стоимостной объем ввоза продукции химической промышленности сократился на 29,6%. Уменьшились физические объемы поставок:

- продуктов неорганической химии – на 22,3%;
- фармацевтической продукции – на 8,0%;
- косметических средств – на 16,7%;
- мыла и моющих средств на – 25,6%;
- пластмассы и изделий из нее – на 48,1%;
- каучука, резины и изделий из них – на 42,7%.

Таблица 1

ДИНАМИКА ПОКАЗАТЕЛЕЙ ОБЪЕМОВ ТОРГОВЛИ
СО СТРАНАМИ СНГ

Страна	Обо-рот	Экс-порт	Им-порт	В % к январю-марту 2008 г.		
				Обо-рот	Экс-порт	Им-порт
Азербай-джан	3 91,9	350,5	41,4	96,6	102,5	65,0
Армения	1 61,4	137,1	24,3	74,5	80,0	53,7
Белорус-сия	4 808,1	3 450,7	1 357,4	58,0	60,4	52,6
Грузия	68,6	65,4	3,2	35,7	35,4	41,4
Казахстан	2 513,3	1 829,5	683,8	63,8	68,8	53,5
Киргизия	2 12,5	178,7	33,8	72,6	75,1	61,9
Молдавия	125,2	59,6	65,6	28,7	19,2	52,5
Таджики-стан	177,3	136,0	41,3	82,4	76,4	110,7
Туркмения	248,0	242,4	5,6	152,3	158,1	59,5
Узбеки-стан	449,4	340,1	109,3	69,5	87,3	42,5
Украина	3 539,0	1 835,2	1 703,8	39,4	32,6	50,9

Таблица 2

ДИНАМИКА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА ПО
ВИДАМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В % к предыдущему году

Показатель	Годы					
	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Всего в экономике	107,0	106,5	105,5	107,0	107,0	105,2
Сельское хозяйст-во, охота и лесное хозяйство	106,0	103,6	102,5	105,0	105,5	110,9
Рыболовство, ры-боводство	102,1	104,3	99,6	101,6	101,5	97,5
Добыча полезных ископаемых	109,2	107,3	106,3	102,5	102,3	100,7
Обрабатывающие производства	108,8	106,3	107,1	108,1	106,5	103,7
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	103,7	100,4	103,7	103,2	100,3	102,9
Строительство	105,3	106,9	105,9	115,8	112,8	109,1
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	109,8	110,5	105,1	110,8	105,2	106,3
Гостиницы и рес-тораны	100,3	103,1	108,5	109,2	108,0	109,1
Транспорт и связь	107,5	108,7	102,1	110,7	107,6	107,1
Операции с недви-жимым имущест-вом, аренда и пре-доставление услуг	102,5	101,3	112,4	106,2	115,6	107,3

Вице-премьер А. Жуков на встрече с премьер-министром В. Путиным сообщил, что, по официальным данным, безработица в РФ в 2009 г. составила 2,08 млн. чел. На меры по борьбе с безработицей в прошлом году было потрачено 35,6 млрд. руб. К программам по повышению занятости привлекались 2,8 млн. чел. Больше всего удалось создать новых рабочих мест на общественных работах – там были задействованы 2,4 млн. чел. В декабре российские предприятия

Доля импорта текстиля, текстильных изделий и обуви составила 7,5% (в январе-марте 2008 г. – 5,0%). Стоимостной объем ввоза текстильной и обувной продукции по сравнению с аналогичным периодом прошлого г. снизился на 5,9%. Импорт хлопчатобумажных тканей и обуви из натуральной кожи (стоимостные объемы) сократился, соответственно, на 26,4% и 17,7%, одежды – возрос на 8,7%.

Удельный вес импорта металлов и изделий из них в январе-марте 2009 г. составил 5,0% (в январе-марте 2008 г. – 4,7%). Стоимостной объем данной товарной группы по сравнению с январем-мартом 2008 г. уменьшился на 32,3%. Физические объемы закупок черных металлов и изделий из них сократились на 41,1%.

В товарной структуре импорта из стран СНГ в январе-марте 2009 г. доля машин и оборудования составила 25,9% (в январе-марте 2008 г. – 30,1%), топливно-энергетических товаров – 11,1% (8,8%), продовольственных товаров и сырья для их производства – 15,7% (12,4%), металлов и изделий из них – 17,5% (21,1%), продукции химической промышленности – 12,5% (9,5%).

Сокращение стоимостных объемов импорта из стран СНГ по сравнению с январем-мартом 2008 г. наблюдалось по всем основным крупным позициям товарной номенклатуры. Так, импорт машин и оборудования уменьшился на 55,4%, в том числе:

- механического оборудования – на 45,0%;
- железнодорожного транспорта и оборудования – на 64,9%;
- топливно-энергетических товаров – на 34,7%;
- продовольственных товаров и сырья для их производства – на 34,2%;
- металлов и изделий из них – на 56,9%;
- продукции химической промышленности – на 31,5%.

Физические объемы импорта угля каменного уменьшились на 21,7%, сыров и творога – на 15,2%, продуктов, содержащих какао – на 3,2%, черных металлов и изделий из них – на 54,0%, продуктов неорганической химии – на 6,6%, пластмассы и изделий из нее – на 29,7%.

В структуре внешней торговли РФ особое место занимает Европейский союз как крупнейший экономический партнер страны. На долю Европейского союза в январе-марте 2009 г. приходилось 49,6% российского товарооборота (в январе-марте 2008 г. – 53,7%). На страны СНГ в январе-марте 2009 г. приходилось 14,0% российского товарооборота (в январе-марте 2008 г. – 14,5%), на страны Евразийского экономического сообщества – 9,0% (8,2%), на страны Азиатско-Тихоокеанского экономического сообщества – 21,9% (19,6%). Объемы торговли со странами СНГ в январе-марте 2009 г. (миллионов долларов США) представлены в табл. 1.

По оценкам Мирового банка, производительность труда в обрабатывающей и добывающей отраслях промышленности РФ последние годы возрастала преимущественно за счет сокращения занятости [2]. Сегодня темпы роста производительности труда в России – 6-7% в год, и их предстоит довести до 12-13%, т.е. практически удвоить. Сделать это невозможно без коренной модернизации экономики, включающей в себя очень широкий спектр направлений – от технологического перевооружения предприятий и активизации инновационной деятельности до радикального повышения качества человеческого капитала и перестройки институциональной структуры государственного сектора науки (табл. 1, 2).

проводили самое резкое с начала 2009 г. сокращение персонала. Интенсивность увольнений в промышленности увеличилась вдвое. Рост увольнений произошел во всех отраслях, кроме лесной и пищевой промышленности.

Хотя вышеуказанные тенденции в российской экономике, несомненно, налицо, далеко не все эксперты склонны усматривать в них проявление «голландской болезни», хотя риск этого «заболевания» остается высоким. Так, по мнению аналитиков Банка Финляндии, в РФ массового перемещения факторов производства из других отраслей промышленности в нефте- и газодобывающую не происходит, как нет и устойчивого роста производства в этих отраслях. Добыча нефти с газовым конденсатом в РФ в январе-июне 2009 г. составила 242,6 млн. т, что на 0,1% ниже аналогичного показателя за 2008 г.

Одну из причин данного феномена финские эксперты видят в общей низкой мобильности факторов производства в РФ, вызванной инфраструктурными и ад-

министративными барьерами. Другую причину они усматривают в деиндустриализации экономики России и сопутствующих ей структурных изменениях [7] (рис. 3).

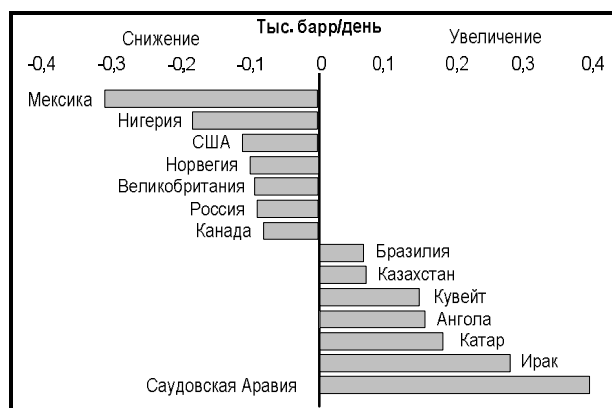

Рис. 3. Основные изменения в нефтедобыче

Таблица 3

СРЕДНЕГОДОВАЯ ЧИСЛЕННОСТЬ ЗАНЯТЫХ В ЭКОНОМИКЕ ПО ВИДАМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Показатель	Годы								
	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008
Тыс. чел.									
Всего в экономике, в том числе по видам экономической деятельности:	64 517	64 980	65 574	65 979	66 407	66 792	67 174	68 019	68 474
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	8 996	8 509	8 229	7 796	7 430	7 381	7 141	6 925	6 675
Рыболовство, рыбоводство	138	134	120	116	113	138	146	145	142
Добыча полезных ископаемых	1 110	1 205	1 163	1 112	1 088	1 051	1 043	1 040	1 044
Обрабатывающие производства	12 297	12 202	12 082	11 932	11 787	11 506	11 359	11 368	11 191
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	1 886	1 918	1 890	1 890	1 900	1 912	1 923	1 909	1 884
Строительство	4 325	4 385	4 458	4 555	4 743	4 916	5 073	5 274	5 474
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	8 806	9 524	9 893	10 462	10 843	11 088	11 317	11 713	12 020
Гостиницы и рестораны	948	982	1 076	1 150	1 152	1 163	1 185	1 260	1 274
Транспорт и связь	5 056	5 113	5 115	5 205	5 293	5 369	5 426	5 450	5 451
Финансовая деятельность	657	686	715	771	835	858	958	1046	1132
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	4 490	4 657	4 913	4 859	4 825	4 879	4 957	5 004	5 146
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	3 098	3 086	3 140	3 266	3 447	3 458	3 504	3 618	3 727
Образование	5 979	5 954	6 037	6 092	6 125	6 039	6 009	6 016	5 980
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	4 408	4 373	4 397	4 469	4 488	4 548	4 574	4 644	4 666
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	2 313	2 242	2 329	2 295	2 330	2 460	2 533	2 573	2 621
В % к итогу									
Всего в экономике, в том числе по видам экономической деятельности:	100	100	100	100	100	100	100	100	100
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	13,9	13,1	12,5	11,8	11,2	11,1	10,6	10,2	9,8
Рыболовство, рыбоводство	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
Добыча полезных ископаемых	1,7	1,8	1,8	1,7	1,6	1,6	1,6	1,5	1,5
Обрабатывающие производства	19,1	18,8	18,4	18,1	17,7	17,2	16,9	16,7	16,3
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2,9	3,0	2,9	2,9	2,9	2,9	2,9	2,8	2,8
Строительство	6,7	6,7	6,8	6,9	7,1	7,4	7,6	7,8	8,0
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	13,7	14,6	15,1	15,8	16,3	16,6	16,8	17,2	17,6
Гостиницы и рестораны	1,5	1,5	1,6	1,7	1,7	1,7	1,8	1,9	1,9
Транспорт и связь	7,8	7,9	7,8	7,9	8,0	8,0	8,1	8,0	8,0
Финансовая деятельность	1,0	1,1	1,1	1,2	1,3	1,3	1,4	1,5	1,7
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	7,0	7,2	7,5	7,4	7,3	7,3	7,4	7,4	7,5
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное обеспечение	4,8	4,7	4,8	5,0	5,2	5,2	5,2	5,3	5,4
Образование	9,3	9,2	9,2	9,2	9,2	9,0	8,9	8,9	8,7
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	6,8	6,7	6,7	6,8	6,8	6,8	6,8	6,8	6,8
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	3,6	3,5	3,6	3,5	3,5	3,7	3,8	3,8	3,8

Индекс промышленного производства исчисляется по видам деятельности «Добыча полезных ископаемых», «Обрабатывающие производства», «Производство и распределение электроэнергии, газа и воды» на основе данных о динамике производства важнейших товаров-представителей (в натуральном или стоимостном выражении). В качестве весов используется структура валовой добавленной стоимости по видам экономической деятельности за базисный 2002 г. В 2009 г. по сравнению с 2008 г. составил 89,2%, в декабре 2009 г. по сравнению с декабрем 2008 г. – 102,7%, по сравнению с ноябрем 2009 г. – 105,0% (табл. 3).

Рис. 4. Индексы промышленного производства, % к среднемесячному значению 2006 г.

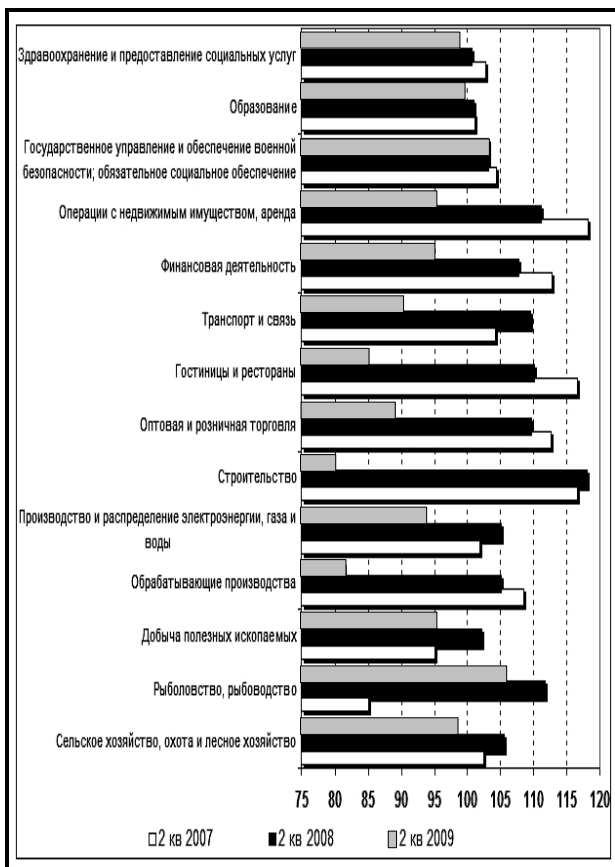

Рис. 5. Производство ВВП в разрезе отраслей (% к соответствующему периоду предыдущего г.)

По оценкам Федеральной службы государственной статистики индекс физического объема ВВП РФ в 3-м квартале 2009 г. составил 91,1% относительно 3-го квартала 2008 г., 113,9% в сравнении со 2-м кварталом 2009 г.. Для справки, в 2008 г. данные показатели составляли соответственно 106,0% и 111,3% (рис. 4, 5).

Высвобождаемая рабочая сила устремилась главным образом в сферу услуг, единственный сектор экономики, где процесс создания рабочих мест преобладал над их разрушением.

Статистические данные изменений структуры в основной капитал говорят о повышении роли обрабатывающей промышленности в экономике РФ, но, несмотря на эти позитивные тенденции, основные проблемы экономического развития РФ остаются нерешенными:

- старение капитального оборудования;
- падение производительности труда;
- сокращение производственных мощностей в ряде отраслей обрабатывающей промышленности;
- технологическое отставание;
- острый дефицит рабочих;
- неустойчивая динамика роста производства и т.д. (табл. 4, рис. 6).

Таблица 4

СТРУКТУРА ИНВЕСТИЦИЙ В ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ В РФ ПО ВИДАМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (БЕЗ СУБЪЕКТОВ МАЛОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ПАРАМЕТРОВ НЕФОРМАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ)

Показатель	Январь-сентябрь 2009 г.			Справочно: январь-сентябрь 2008 г. в % к итогу
	Млрд. руб.	В % к январю-сентябрю 2008 г.	В % к итогу	
Всего	3 604,4	86,7	100	100
Из него: сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	1 251,1	75,4	3,5	4,2
Рыболовство, рыбоводство	1,7	81,2	0,05	0,1
Добыча полезных ископаемых	687,3	88,7	19,1	18,3
В том числе: добыча топливно-энергетических полезных ископаемых	631,5	89,2	17,5	16,7
Добыча полезных ископаемых, кроме топливно-энергетических	55,8	82,2	1,6	1,6
Из нее добыча металлических руд	35,1	79,1	1,0	1,0
Обрабатывающие производства	611,6	83,3	17,0	17,5
Из них: производство пищевых продуктов, включая напитки, и табака	89,6	79,8	2,5	2,6
Текстильное и швейное производство	3,0	79,7	0,1	0,1
Производство кожи, изделий из кожи и производство обуви	0,3	63,8	0,01	0,01
Обработка древесины и производство изделий из дерева	17,0	73,1	0,5	0,5
Целлюлозно-бумажное производство; издательская и полиграфическая деятельность	18,6	76,3	0,5	0,6
В том числе: производство целлюлозы, древесной массы, бумаги, картона и изделий из них	16,0	82,6	0,4	0,5
Издательская и полиграфическая деятельность, тиражирование записанных носителей информации	2,6	54,4	0,1	0,1

Показатель	Январь-сентябрь 2009 г.			Справочно: январь-сентябрь 2008 г. в % к итогу
	Млрд. руб.	В % к январю- сентябрю 2008 г.	В % к итогу	
Производство кокса и нефтепродуктов, в том числе:	101,4	149,7	2,8	1,7
Производство кокса	0,7	31,2	0,02	0,1
Производство нефтепродуктов	100,7	153,9	2,8	1,6
Химическое производство	52,6	69,9	1,5	1,9
Производство резиновых и пластмассовых изделий	13,6	81,5	0,4	0,3
Производство прочих неметаллических минеральных продуктов	60,2	69,5	1,7	2,1
Металлургическое производство и производство готовых металлических изделий, в том числе:	144,4	76,1	4,0	4,5
Металлургическое производство	133,9	76,6	3,7	4,1
Производство готовых металлических изделий	10,5	62,8	0,3	0,4
Производство машин и оборудования	20,6	69,0	0,6	0,7
Производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования	17,8	83,4	0,5	0,5
Производство транспортных средств и оборудования	44,2	77,4	1,2	1,3
Прочие производства	4,6	66,0	0,1	0,2
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	355,8	105,1	9,9	8,3
Из них производство, передача и распределение электроэнергии, газа, пара и горячей воды, из них:	327,1	107,8	9,1	7,4
Производство, передача и распределение электроэнергии	267,1	112,2	7,4	5,9
Производство и распределение газообразного топлива	15,0	59,7	0,4	0,6
Строительство	103,7	72,9	2,9	2,7
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	78,7	68,9	2,1	2,7
В том числе: торговля автотранспортными средствами и мотоциклами, их техническое обслуживание и ремонт	11,9	58,5	0,3	0,4
Оптовая торговля, включая торговлю через агентов, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами	29,0	76,6	0,8	0,9
Розничная торговля, кроме торговли автотранспортными средствами и мотоциклами; ремонт бытовых изделий и предметов личного пользования	37,8	67,4	1,0	1,4
Гостиницы и рестораны	14,0	104,5	0,4	0,4
Транспорт и связь	949,7	97,6	26,3	24,5
Из них: деятельность железнодорожного транспорта	159,3	89,1	4,4	5,5
Транспортирование по трубопроводам	363,2	126,8	10,1	7,0
Связь	105,7	64,1	2,9	4,1
Финансовая деятельность	56,4	110,8	1,6	1,2
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	339,0	69,7	9,4	11,9
Из них научные исследования и разработки	23,2	164,4	0,6	0,3

Показатель	Январь-сентябрь 2009 г.			Справочно: январь-сентябрь 2008 г. в % к итогу
	Млрд. руб.	В % к январю- сентябрю 2008 г.	В % к итогу	
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; обязательное социальное страхование	67,0	93,8	1,8	1,6
Образование	60,3	82,7	1,7	1,8
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	67,3	79,9	1,9	2,0
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	86,8	79,6	2,4	2,8
Из них деятельность по организации отдыха и развлечений, культуры и спорта	54,5	78,9	1,5	1,9

Рис. 6. Динамика инвестиций в основной капитал, % к среднемесячному значению 2006 г.

В свете этого политика российского правительства, направленная на использование «нефтедолларов» для стабилизации бюджетных доходов подвергается серьезной критике, а среди различных кругов общества раздаются призывы к активному инвестированию «нефтедолларов» в экономику страны. В этой связи было бы полезным рассмотреть некоторые примеры из зарубежного опыта успешного использования «нефтедолларов» на цели развития.

К концу 1990-х годов государственные фонды, формируемые за счет поступлений от экспорта природных ресурсов, действовали во многих развивающихся и индустриально развитых странах. Условно их можно разделить на три типа:

- стабилизационные фонды (Эквадор, Мексика, Венесуэла, Колумбия, Кувейт, Нигерия, Папуа – Новая Гвинея, Чили, США и др.);
- сберегательные, или фонды будущих поколений (Норвегия, Австралия, Канада, США, Кирибати, Кувейт, Новая Зеландия, Оман и др.).

Основное различие между данными типами фондов заключается в целях создания фондов. Непосредственно стабилизационные фонды создаются для сглаживания колебаний в доходах государственного бюджета, вызываемых резкими изменениями цен на минеральное сырье, и обеспечения дополнительного финансирования государственных расходов на территориях, где ведется добыча ископаемых. Сберегательные фонды нацелены главным образом на защиту интересов будущих поколений.

Доходы стабилизационных фондов, как правило, зависят от текущих цен на природные ресурсы. Фонды будущих поколений в меньшей степени подвержены воздействию колебаний цен на сырье, так как их доходы складываются из фиксированных отчислений бюджетных средств (получаемых правительствами в результате изъятия части природной ренты у добывающих компаний) и доходами от активов самих фондов.

В настоящее время, многие страны стали учреждать экологические фонды, которые представляют собой своеобразный вариант фонда будущих поколений. В отличие от сберегательных фондов, возникших в 1970-1980-е гг., экологические фонды нацелены на финансирование мер по реабилитации и сохранению окружающей среды.

Большинство фондов, созданных на базе «минеральных долларов», являются смешанными, т.е. выполняющими одновременно две задачи: стабилизация поступлений в бюджет правительства и накопление природной ренты.

С экономической точки зрения стабилизационный фонд представляет собой часть доходов бюджета, полученных в текущем финансовом году и не использованных на расходы. Предполагается, что средства стабилизационного фонда государство размещает от своего имени и получает инвестиционный доход. Это означает, что средства, изъятые у налогоплательщика, либо доходы государство использует как портфельный инвестор. Создание такого стабилизационного фонда не соответствует мировой бюджетной практике по нескольким причинам.

- Во-первых, основой современной теории государственных финансов является положение о том, что доходы бюджета, получаемые преимущественно от налогоплательщиков, являются своеобразной платой за оказываемые государством услуги и предоставление общественных благ. Предполагается, что государство должно прежде всего заниматься производством тех благ, которые нерационально (или невозможно) приобретать в индивидуальном порядке, например экологической стабильности, безопасности, сохранения культурного наследия и т.п. При этом действия по изъятию части налогов в стабилизационный фонд и проведению с этими средствами активных операций на внешних финансовых рынках не могут быть соотнесены ни с одним общественным благом. Таким образом, формирование стабилизационного фонда никак не связано с выполнением традиционных бюджетных функций.
- Во-вторых, известно, что деньги сегодня дороже денег завтра, а скорость их обесценения обратно пропорциональна норме эффективности капитальных вложений или норме процента для каждой нации, которая предполагает работать дальше и не становиться «нацией-рантье». Поэтому бюджетная политика строится преимущественно на заимствованиях, а государственные бюджеты сводятся с дефицитом, профицит же возникает эпизодически и на короткий период (не более г.).

В большинстве стран даже в период проведения консервативной бюджетной политики присутствовал дефицит бюджета. Профицит госбюджета в США имел место в незначительных объемах после десятилетий дефицитного бюджета. Столкнувшись с угрозой снижения темпов экономического роста, США с 2002 г. перешли к политике дефицитного бюджета. Ограничением для заимствований являются будущие затраты на погашение долга и проценты, увеличивающие расходы бюджета. Поэтому целью бюджетной политики является препятствование увеличению процентных расходов, которые никак не связаны с предоставлением общественных благ. В нашей бюджетной политике почему-то поставлена прямо противоположная цель – стабилизация непроцентных расходов бюджета.

- В-третьих, портфельные инвестиции государства в общем случае имеют меньшую доходность, чем прямые инвестиции самих налогоплательщиков. Поэтому в мировом бюджетном процессе чаще всего налогоплательщик не разрешает государству проводить активные операции на финансовом рынке с целью извлечения дохода. Не случайно единственной из экономически и политически развитых стран, где присутствует общественный контроль расходования бюджетных средств и формируется стабилизационный фонд, является Норвегия.

Мировая бюджетная практика свидетельствует о том, что если государство несколько лет подряд оказывается в ситуации превышения доходов над расходами, то оно должно принять одно из следующих решений: либо снизить налоги, тем самым сократив доходы и приведя их в соответствие с расходами, либо увеличить бюджетные расходы до уровня получаемых доходов.

Выделяют две основные цели формирования стабилизационных фондов, декларируемые при их создании:

- первая – это сглаживание конъюнктуры мировых цен на природные ресурсы и изъятие природной ренты;
- вторая – обеспечение межвременного выравнивания и формирования фонда будущих поколений.

Таким образом, вторая цель связана с попыткой за счет благоприятной нефтяной конъюнктуры сохранить достигнутый высокий уровень потребления и социальных показателей в будущем. Норвегия, Сингапур и Гонконг находятся среди первых по продолжительности жизни при рождении и другим социальным показателям, и нужно закрепить эти позиции для будущих поколений. Поэтому можно поставить задачу межпоколенческого выравнивания уровня жизни и фиксации сложившихся социальных гарантий на будущее применительно к этой группе стран. Страны отличаются низким уровнем безработицы и незначительной численностью рабочей силы, что делает относительно неэффективным создание новых рабочих мест. Ограниченные размеры территории также не позволяют инвестировать значительные объемы средств в инфраструктуру. Создание инвестиционного задела в принципиально новых секторах экономики сдерживается отсутствием серьезного научно-технического потенциала и качеством рабочей силы (например, в Сингапуре, Гонконге, Кувейте).

Поскольку формирование стабилизационного фонда является новым явлением в бюджетном устройстве большинства стран, где такие фонды используются, то, как правило, на них возлагаются функции, традиционно не свойственные бюджетной политике. Так, например, средства, попадающие в бюджет в форме налоговых поступлений, используются для регулирования денежно-кредитного обращения и борьбы с инфляцией путем искусственного сжатия государственного спроса (функции, обычно выполняемые центральным банком). Стабилизационный фонд рассматривается и как долгосрочный резерв, призванный покрыть расходы будущих периодов в случае ухудшения экономической ситуации.

В мировой практике накоплен не очень большой опыт существования и использования стабилизационных фондов. Из 233 государств, по которым имеется статистика и данные о бюджетах, такие фонды формируются (или формировались) в 17 странах. В ряде стран – членов Организации стран – экспортеров нефти (ОПЕК), а также в африканских странах формирование стабилизационных фондов соответствует несколько иным, отличным от принятых в Европе бюджетному устройству и бюджетному процессу. Информация о размере и движении средств в этих фондах является закрытой. Кроме

того, имеющиеся данные не позволяют интерпретировать движение средств по перечислению и использованию средств стабилизационного фонда в терминах общепринятых бюджетных и макроэкономических параметров. В ряде стран, например в Чили, Венесуэле, Мексике, стабилизационные фонды создаются в рамках государственных добывающих корпораций и во многом используются как инвестиционные фонды этих корпораций. Кроме того, в некоторых странах накопление средств в таких фондах имело место в течение непродолжительного времени, что не позволяет проанализировать сопряженные с этим макроэкономические тенденции. Поэтому в настоящее время почти единственным объектом изучения, существующим достаточно долго, является Государственный нефтяной фонд Норвегии, созданный в 1990 г. для поддержания устойчивости бюджета в долгосрочной перспективе. Средства фонда призваны служить «буфером», обеспечивающим свободу действий в проведении экономической политики в случае падения цен на нефть или спада экономики, а также обеспечивать межвременное выравнивание уровня жизни нынешнего и последующего поколений с учетом старения населения и возможного сокращения доходов от нефтяной деятельности. Средства фонда складываются из суммы наличных поступлений от нефтегазовой деятельности, а также из прибыли самого фонда. Основное правило при использовании нефтяных доходов заключается в том, что расходованию подлежит лишь инвестиционный доход, т.е. прибыль от инвестирования средств фонда.

Экономика Норвегии к моменту, когда на нее обрушился «нефтедолларовый дождь», существенно отличалась от российской, как по потенциалу, так и по степени диверсификации и конкурентоспособности национальной продукции. В целом экономическая база Норвегии была и остается намного уже российской. Из отраслей обрабатывающей промышленности ключевая роль в экономике принадлежала деревообработке, рыбной промышленности и энергоемкой металлургии. Региональная социально-экономическая дифференциация также была менее значительной, по сравнению с российской действительностью. Более того, начало эксплуатации резервов нефти и природного газа в Норвегии пришлось на весьма благоприятный период – начало 1970-х годов, когда цены на энергоносители, в частности, на нефть, начали стремительно расти. Среднегодовые цены, например, на нефть, которые на протяжении большей части XX в. оставались на уровне 2 долл. за баррель, утроились в начале 1970-х гг. в результате коллективной акции стран – членов ОПЕК. В 1978-1979 гг. происходит еще один скачок цен на нефть. И хотя цены на нефть отличались неустойчивостью, в период со середины 1980-х по 2003 г. они колебались в пределах от 15 до 30 долл. за баррель, в 2004-2005 гг., происходит очередной драматический рост цен, достигнув беспрецедентно высокого уровня 13 июля 2006 г. – 75 долл. за баррель, в настоящее время цены не превышают 74 долл. за баррель. По сравнению с РФ запасы нефти и природного газа в Норвегии относительно скромные, а себестоимость добычи выше. Наконец, источники природной ренты РФ далеко не исчерпываются нефтью и газом. РФ обладает значительными запасами разнообразного минерального сырья, включая другие энергоносители (уголь, сланцы, торф, гидроресурсы и т.д.), а также леса, рыбных ресурсов и богатых почв. По географическим,

территориальным и демографическим показателям эти две страны практически несопоставимы.

Естественно, что столь значительные межстрановые различия диктуют разные подходы к решению проблем социально-экономического развития (табл. 5). Однако это вовсе не означает, что норвежский опыт не представляет никакого практического интереса для РФ.

Таблица 5

**СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ РАЗВИТИЯ
НОРВЕГИИ И РФ ЗА 2008 Г.**

Показатель	Страна	
	Норвегия	Россия
1. Численность населения, 2008 г., млн. чел.	4,62	141,9
2. Прогнозируемый размер населения в 2020 г., млн. чел.	5, 0	133, 1
2. Размер территории, тыс. кв. км	324, 0	17098, 0
3. Валовой национальный доход (ВНД), 2008 г., млрд. долл. / руб.	275,2	41668
4. ВНД на душу населения, 2008 г., долл.	87,070	9,620
5. Темпы экономического роста, 2008, %	3,4	0-2
7. Ежегодная добыча нефти, 2008 г., млн. т	138, 2	475,0
8. Ежегодная добыча природного газа, 2008 г., млрд. куб. м	85,0 (25, 5 млрд. куб. м. в 1990г.)	549,7 млрд. куб. (Группой «Газпром»)
9. Ежегодный объем экспорта сырой нефти и нефтепродуктов, 2005 г., млн. т	109,6 (или 2,2 млн. баррелей в день)	199,2 (или 4 млн. баррелей в день)
10. Ежегодный объем экспорта природного газа, 2008 г.	108,0 млрд. т. куб. м	198,8 млрд. куб. м.
11. Внутреннее потребление нефти, 2005 г., млн. т	9,8 (9, 2 млн. т., 1990 г.)	130,0 (249,7 млн.т., 1990 г.)
12. Внутреннее потребление природного газа, 2005 г., млрд. куб. м	4,5 (2, 1 млрд. куб. м., 1990 г.)	405,1 (420,1 млрд. куб. м., 1990 г.)

Норвегия – одна из немногих стран мира, которая смогла успешно избежать «голландской болезни» и сохранить свою нишу в международном разделении труда. В этой стране накоплен уникальный опыт не только в сфере добычи нефтегазовых ресурсов в сложных условиях, но и в сотрудничестве государства и бизнеса по оптимальному использованию природной ренты.

Для управления нефтяными доходами в Норвегии еще в 1990 г. был создан Государственный нефтяной фонд (The Government petroleum fund), который в 2005 г. по решению парламента был преобразован в Государственный пенсионный фонд – «Глобал» (The Government pension fund – global) и объединен с Фондом национального страхования под единым названием – Государственный пенсионный фонд.

Созданию нефтяного фонда предшествовала широкая дискуссия в стране, вызванная серьезными опасениями, что источники сверхдоходов страны близки к исчерпанию и что сегодняшние поколения норвежцев, если не будут предприняты меры по сбережению хотя бы части этих доходов, оставят в наследство своим потомкам страну, лишенную природного капитала. Вторым аргументом в пользу сбережения нефтяных доходов послужило опасение, в условиях сокращения или прекращения поступлений нефтедолларов, правительство окажется не в состоянии удержать бюджетные расходы на прежнем уровне, что может привести к падению уровня и качества жизни норвежцев, особенно в свете старения населения. Результаты дискуссии послужили основой для формулирования целей и за-

дач нефтяного фонда, который, по решению парламента страны, должен:

- выполнять функцию сбережения доходов от нефти;
- способствовать увеличению его капитала, т.е. выполнять инвестиционную функцию;
- способствовать стабилизации бюджетных доходов, вызываемых резкими изменениями цен на энергоносители.

К ноябрю 2006 г. активы бывшего нефтяного фонда выросли до 266 млрд. долл., почти в 30 раз, по сравнению с 1996 г., когда правительство сделало свой первый взнос в фонд.

Основными источниками пополнения Государственного пенсионного фонда – «Глобал» (ГПФ-Г) являются:

- доходы от инвестирования активов нефтяного фонда;
- часть налогов, собираемых правительством с компаний, занятых в нефтяной и газовой отраслях промышленности;
- чистые поступления от экспорта нефти и газа, что видно из табл. 6.

Фонд аккумулирует ресурсы, образующиеся в том случае, если госбюджет исполняется с профицитом. Размер отчислений утверждается отдельно парламентом страны в рамках общего бюджетного процесса. Вместе с тем, лишь 4% аккумулированных фондом государственных доходов от нефти и газа могут тратиться правительством.

Таблица 6

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЕ ОТЧИСЛЕНИЯ В ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕНСИОННЫЙ ФОНД «ГЛОБАЛ», 1995-2005 гг., [8]

Млрд. норвежских крон

Финансовый год	Фактические правительственные отчисления за год	Пропорция чистых государственных нефтегазовых доходов, удержанная фондом
1995	1 981	5
1996	47 476	63
1997	60 900	71
1998	32 837	62
1999	24 423	59
2000	149 838	94
2001	251 189	99
2002	125 354	68
2003	103 911	64
2004	138 162	65
2005	220 289	78
Итого (1995-2005 гг.)	1 158 338	-

Все активы ГНФ-Г инвестируются в акции и облигации за рубежом (табл. 7). Это позволяет, с одной стороны, избежать «голландской болезни», а, с другой, снизить зависимость планирования государственного бюджета от колебаний цен на энергоносители.

Таблица 7

СТРУКТУРА ПОРТФЕЛЯ ГНФ-Г НОРВЕГИИ [9]

Портфель	Рыночная стоимость на 31.12.2005 г., млрд. норв. крон	Доходность в 2005 г., % (рассчитана в норв. кронах)	Установленные (расчетные) нормы доходности	Доходы, превышающие норму, установленную моделью	Среднегодовые номинальные доходы за период 1997-2005, % ¹
Акции	582,3	26,01	23,6	2,24	5,89
Облигации	816,7	6,80	6,43	0,37	6,16
Итого	1 399,1	14,28	13,19	1,10	6,34

¹ Рассчитаны на базе корзины иностранных валют фонда.

Средства ГНФ-Г вкладываются в государственные облигации стран, имеющих инвестиционный рейтинг группы А, и в акции крупнейших корпораций. Иностранные инвестиции фонда распределены следующим образом:

- 40-60% всех вложений направляются в Европу;
- 20-40% – в США;
- 10-30% – в Азию и Океанию.

Такая политика сбережений, по замыслу норвежской политической элиты, должна обеспечить высокий уровень жизни не только стареющего населения Норвегии сегодня, но и будущих поколений норвежцев после того как топливные запасы страны будут исчерпаны. А это, при современных темпах добычи углеводородов, может произойти через 50 лет. Капитал фонда в настоящее время содержит примерно 63 тыс. долл. на каждого жителя Норвегии, население которой не превышает 4,6 млн. чел.

Нефть и природный газ стали главным продуктом и экспортным товаром Норвегии. В 2005 г. их доля в общем экспорте составила 50% (и 22,5% ВВП), что в 35 раз превышает долю другого традиционного товара Норвегии – рыбы и морепродуктов. Соответственно велики объемы частных и государственных инвестиций в геологоразведку, добычу, транспорт и береговую инфраструктуру отрасли. В 2005 г. они составили 13,4 млрд. долл., или почти четверть от всех инвестиций в экономику Норвегии. По оценкам министерства нефти и энергетики Норвегии, за весь период освоения континентального шельфа объем инвестиций в отрасль достиг на начало 2006 г. 318 млрд. долл.

Политика правительства Норвегии в области использования доходов от углеводородного сырья нацелена на решение двух фактически противоположных задач: получение государством максимального дохода и сохранение интереса частных инвесторов к капиталовложениям в геологоразведку и добычу. В период с 1973 г. по 1985 г., во время устойчивого роста цен на нефть, государство выстроило разветвленную систему перераспределения доходов от добычи углеводородов. Это было сделано через налогообложение и создание государственной компании Statoil. В период же низких цен на нефть, в 1990-е гг., правительство Норвегии пошло на стимулирование притока прямых иностранных инвестиций и провело частичную приватизацию «Статойл» (Statoil), акции которой были размещены на биржах Нью-Йорка и Осло (сейчас госпакет составляет 70,9%). В результате с 1999 г. в освоение континентального шельфа Норвегии включились 36 новых компаний, в том числе такие европейские гиганты, как английская BG, французская Gaz de France, немецкие E.ON Ruhrgas и Wintershall.

Итогом целенаправленной и гибкой государственной политики стало стабильное воспроизводство запасов нефти и природного газа, позволяющее поддерживать рост общей добычи углеводородного сырья в стране. И это несмотря на то, что и запасы и добыча нефти снижаются. При этом сейчас наметилась неблагоприятная тенденция в сфере разведки и разработки месторождений углеводородов: дополнительных открытий крупных месторождений в Северном море ожидать не приходится. Геологоразведочные работы требуется вести на больших глубинах и в новых районах Норвежского и Баренцева морей, что требует крупных инвестиций, новых технологий и создания инфраструкту-

ры в малонаселенных прибрежных зонах Центральной и Северной Норвегии. Так, в прошлом году затраты на геологоразведку составили 1 млрд. долл., а в 2006-м они превысят 3 млрд. Сейчас в Норвегии разрабатывается 50 месторождений углеводородов, из них 42 в Северном море и восемь – в Норвежском. Одновременно продолжает возрастать роль Норвегии как экспортера природного газа – она поставляет и в другие страны 82,5 млрд. кубометров этого топлива и на 16% обеспечивает потребность в нем Европы. Кстати, после ликвидации в 2002 г. монопольного «единого экспортного канала» Норвегии – Комитета по экспорту газа – доступ к самостоятельному экспорту был юридически открыт для всех компаний. И если оператором газотранспортной системы сейчас является «Гасско» (Gassco), то владеют этой системой десять компаний, причем не все из них норвежские.

В отношении традиционных отраслей производства следует отметить, что Норвегии удалось закрепить за собой ряд специализированных ниш в международном разделении труда. Традиционные отрасли промышленности были не только модернизированы, но и, в ряде случаев, как, например, лесная и деревообрабатывающая, судостроительная и рыбная, подвергнуты реструктуризации в ответ на нарастающую международную конкуренцию. Норвегия также раздвинула рамки своей международной специализации, пойдя по пути усовершенствования технологий для разведки и добычи нефти и газа в подводных условиях и развертывания производства новых типов судов и портового оборудования. К настоящему времени эта страна вошла в число крупных производителей и экспортеров специализированного нефте- и газодобывающего оборудования. Более того, норвежские судостроительные компании, наряду с судами, теперь производят нефтяные платформы, оборудование для морского бурения, а также разнообразное морское оборудование для осуществления геологоразведывательных и научно-исследовательских работ, включая научно-исследовательские плавучие базы. И, наконец, опираясь на свою высококвалифицированную рабочую силу, Норвегия предпринимает значительные усилия по развитию наукоемких и высокотехнологичных производств. На этом направлении Норвегия активно использует как международную производственную кооперацию, специализируясь на производстве отдельных узлов и комплектующих деталей для крупных иностранных концернов, так и собственный накопленный опыт и знания, в частности, в области производства морского научно-исследовательского оборудования.

Подводя итог, следует отметить и некоторые другие факторы, которые внесли вклад в успех социально-экономической трансформации Норвегии:

- роль государства в экономике была и остается весьма значительной, несмотря на меры по приватизации государственных компаний. В 2000 г. лишь 1/3 пакета акций государственной компании «Статойл» (Statoil) была продана. Все шельфовые ресурсы остаются в собственности государства;
- поиск и добыча нефти и газа находятся под жестким государственным контролем, что обеспечивается выдачей лицензий через проводимый раз в два года конкурс. Участие государства во всех лицензионных разработках сохраняется;
- правительство принимает меры по недопущению концентрации прав в одних руках, контролируя распределение долей участников в каждой лицензии. Исполнение лицензий контролируется Государственным нефтяным директором;

- важным аспектом является наличие долговременных и прозрачных правил, не меняющихся ни при каких правительствах;
- внедряются крайне жесткие экологические нормативы (например, налог на CO₂) и, наконец географическое размещение Норвегии, с точки зрения геополитических рисков, климатических условий и транспортных расходов, намного благоприятнее, чем РФ.

Что же касается нефтяного фонда Норвегии, то благодаря жесткой финансовой дисциплине правительства Норвегии, которое не позволило себе ни на йоту отступить от установленных правил, регулирующих деятельность фонда, он добился огромных успехов в реализации поставленных перед ним задач.

Размер Пенсионного фонда Норвегии на конец сентября 2009 г. составил 2.546 трлн. норвежских крон (458,43 млрд. долл.), говорится в отчете Центрального банка Норвегии.

В результате норвежская экономика сегодня показывает устойчиво низкую инфляцию, уровень безработицы в стране не превышает 2,2%, а ВВП на душу населения – самый высокий в мире.

Прочитываем доклад Организации экономического сотрудничества и развития: «В Норвегии очень высокий доход на душу населения и очень низкий уровень неравномерности в распределении доходов. Хорошие фундаментальные основы осуществляемой политики и демократически сильные государственные институты позволили трансформировать натуральные ресурсы в быстрый рост, а не в деструктивное рентное потребление для тех, кто близок к нефтяной отрасли». Средства нефтяного фонда, который официально называют Правительственным пенсионным фондом «Глобальный», т.е. накопленные доходы от продажи норвежской нефти и газа, инвестируются в иностранные акции и облигации».

Самой главной проблемой в Норвегии считается старение населения. В РФ эта проблема тоже существует, просто о ней слишком мало говорят. Между тем, она значительно увеличивает нагрузку на социальные службы. В Норвегии с 2006 г. Нефтяной фонд преобразован в Правительственный пенсионный фонд, а его главной задачей стало обеспечение достойных пенсий будущим поколениям.

Опыт США и Канады в использовании части природной ренты для диверсификации и развития экономики регионов интересен для РФ в контексте реализации двух стратегических и взаимосвязанных задач по обеспечению национальной безопасности страны:

- развитие восточных районов страны, где располагаются практически все природные ресурсы страны;
- повышение уровня благосостояния населения этих районов.

Последнее особенно актуально в свете некоторых негативных тенденций, наблюдаемых в течение последних лет в Сибири и на Дальнем Востоке: стремительное сокращение населения и растущая нелегальная миграция из соседних стран в эти регионы.

В этой связи представляется полезным рассмотреть деятельность двух региональных фондов:

- Трест фонда наследия сбережений Альберты (Alberta heritage savings trust fund), Канада;
- Постоянного фонда Аляски (Alaska permanent fund corporation), США.

Следует отметить, что оба фонда были учреждены одновременно в 1976 г. и имели сходные цели и задачи: обеспечить стабильное экономическое развитие региона путем сбережения части государственных до-

ходов, формируемых за счет природной ренты (изымаемой в виде налоговых сборов с нефтедобывающих компаний, оперирующих на территории региона). Для выполнения поставленной цели предусматривалось следующее:

- в условиях роста цен на нефть избыток нефтяных доходов будет реинвестирован в экономику региона с целью создания предпосылок для ее диверсификации и снижения зависимости от нефтяного сектора;
- в условиях неблагоприятной конъюнктуры накопленные нефтяные доходы будут использованы в качестве буфера для смягчения шока, вызванного резким падением мировых цен на нефть.

Однако процесс принятия решений относительно содержания и методов работы фондов принципиально отличался. Если созданию Постоянного фонда Аляски (ПФАК) предшествовала широкая дискуссия в обществе, и решение было принято путем принятия поправки к Конституции штата Аляски, то трест Фонд сбережений Альберты (ТФНСА) был учрежден путем простого законодательного акта Законодательной ассамблеи провинции Альберта. Для того чтобы изменить устав и принципы оперативной деятельности Постоянного фонда Аляски, необходимо проведение референдума. Решение считается принятым, если за него проголосовали 50% избирателей и 2/3 депутатов парламента. В результате, если правительство штата Аляски обязывалось ежегодно и регулярно отчислять 25%, а с 1980 г. 50%, налоговых поступлений, получаемых со всех операций, имеющих отношение к эксплуатации нефтяных ресурсов штата, в ПФАК, то в случае с ТФНСА правительство провинции могло это сделать только с разрешения Законодательной ассамблеи. Именно Законодательная ассамблея принимала решение относительно отчислений в трест фонд (т.е. производить их или нет и, если производить, то в каком размере). Естественно, что в сравнении с Фондом Аляски, изолированного от воздействия сиюминутных политических настроений, ТФНСА оказался в менее определенной и предсказуемой ситуации в плане притока ресурсов и приоритетов расходной деятельности, что затрудняло выработку и реализацию долгосрочной инвестиционной стратегии. Так, если в период. 1976-1984 гг. правительство Альберты ежегодно отчисляло в трест фонд до 30% нефтяных доходов, то в 1984-1987 гг. – лишь 15%, а 1987 г. перевод отчислений был прекращен, а все доходы трест фонда переводились в Фонд общих доходов правительства.

Другой важной отличительной характеристикой является характер управления фондом. Если в начале оба фонда представляли собой фискальный инструмент регионального правительства и управлялись чиновниками соответствующих департаментов, то в 1980 г. ПФАК был трансформирован в государственную корпорацию, а его управление было передано в руки независимого менеджмента, рекрутируемого на рынке частных услуг.

Наконец постоянный фонд Аляски имеет еще одну особенность, которая делает его уникальным среди подобных фондов. Это – программа распределения части дивидендов, заработанных фондом в результате его инвестиционной деятельности, среди жителей Аляски (табл. 8).

Что касается доходов фондов от инвестиционной деятельности, то, начиная с 1987 г., ТФНСА должен переводить практически все свои доходы на счет Об-

щего фонда доходов правительства Альберты. Практика ПФАК была иной. Часть своих чистых доходов (после выплаты дивидендов населению и поправки на инфляцию, inflation proofing) ПФАК накапливает на специальном счете «резервных доходов». Правительство штата может использовать эти ресурсы только с разрешения законодательной палаты парламента штата (30 июня каждого года). Невостребованные правительством резервные доходы переводятся в основной капитал фонда, к которому с этого момента правительство штата не имеет доступа. Изменить указанный порядок вещей правительство может только через всеобщий референдум.

Таблица 8

**РАЗМЕР ЕЖЕГОДНОГО ДИВИДЕНДА,
ВЫПЛАЧЕННОГО ПФАК КАЖДОМУ ЖИТЕЛЮ
АЛЯСКИ 1982-2006 гг. [8]**

Долл. США

Год	Размер дивиденда
2006	1 106,96
2005	845,76
2004	919,84
2003	1 107,56
2002	1 540,76
2001	1 850,28
2000	1 963,86
1999	1 769,84
1998	1 540,88
1997	1 296,54
1996	1 130,68
1995	990,30
1994	983,90
1993	949,46
1992	915,84
1991	931,34
1990	952,63
1989	873,16
1988	826,93
1987	708,19
1986	556,26
1985	404,00
1984	331,29
1983	386,15
1982	1 000,00

Различия в законодательных и административных рамках, регламентирующих функционирование этих двух фондов, т.е. институциональные различия, не могли не сказаться на результатах их деятельности. Хотя за прошедший период, 1976-2006 гг., оба фонда накопили огромные активы, ПФАК, по признанию многих аналитиков, оказался более эффективным как механизм сбережения природной ренты, чем ТФНСА (табл. 9). Немаловажную роль в этом сыграл тот факт, что правительство штата жестко придерживалось установленного порядка и старалось не поддаваться соблазну запустить руку в закрома фонда в тяжелые времена. С другой стороны, благодаря регулярной индексации активов фонда и использованию части инвестиционных доходов для покрытия потерь, вызванных инфляцией, ПФАК не только сохранил свою покупательную способность, но и приумножил начальный капитал. Совсем иная картина складывалась с ТФНСА. По оценке экспертов, если бы правительство Альберты следовало примеру правительству штата Аляски и оставляло трест фонду часть его собственного дохода

на покрытие потерь, вызванных инфляцией, то его резервный капитал был бы в два раза больше, чем сегодня (см. табл. 9).

Таблица 9

ПФА: НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Показатель	Результат
1. Рыночная стоимость активов фонда в 2006 г., млрд. долл.	32,9
2. Среднегодовые темпы роста номинального дохода на инвестированные активы, 1984-2006 гг., %	10,36
3. Среднегодовые темпы роста реального дохода на инвестированные активы, 1984-2006 гг., %	7,25
4. Суммарные резервные активы, 2006 г., млрд. долл.	26
5. Размер среднедушевого дивиденда, полученного каждым резидентом Аляски, 2006 г., долл.	1107
6. Активы фонда, % ВВП	87,2
7. Активы фонда, % чистых финансовых активов государственного сектора	88,0
8. Активы фонда, % суммарного валового государственного долга	809,0
9. Активы фонда, % суммарных доходов центрального правительства	316,0
10. Активы фонда, % суммарных расходов центрального правительства	480,2
11. Портфель акций фонда, 2006 г., млрд. долл.	19,3
• зарубежные	6,7
• внутренние	12,6
12. Портфель облигаций фонда, 2006 г., млрд. долл.	9,3
• зарубежные	1,0
• внутренние	8,3

Названные фонды отличаются и по своей функциональной структуре. В прерогативы ПФАК входят функция сбережения и функция инвестирования, а функция расходования доходов является прерогативой правительства штата. В структуре ТФНСА все три функции подконтрольны казначейству провинции и выполнялись отделами трест фонда (Инвестиционный отдел Альберты, Инвестиционный отдел Канады, Отдел капитальных проектов, Отдел коммерческих инвестиций, Отдел инвестирования в энергетику). Неудивительно, что приоритеты фонда Аляски не менялись в течение всего периода его существования, тогда как приоритеты трест фонда Альберты неоднократно подвергались пересмотру.

Каково же воздействие этих фондов на развитие названных регионов? Рассматривая деятельность этих фондов с позиции «принципа справедливого распределения между поколениями», можно с полной уверенностью утверждать, что ПФАК оказался более эффективным как способ аккумуляции природной ренты в виде финансовых активов. Как инструмент стабилизации доходов регионального правительства, оба фонда показали неплохие результаты, однако многое зависит от финансовой дисциплины и инвестиционной политики регионального правительства. Относительно вклада этих фондов в процесс развития региона следует заметить, что влияние ПФАК было скорее косвенным, чем прямым. Дивиденды ПФАК, распределяемые среди жителей Аляски, по существу являлись дополнительным источником личных доходов. Хотя к этому следует также добавить и более низкий уровень индивидуальных налогов, который достигался за счет снижения, отмены или возврата некоторых налогов (например, налог с продажи, налог на бензин, налоги на некоторые коммунальные услуги и т.д.), традиционно собираемых правительствами шта-

тов в США. Потеря налоговых поступлений, которые несло правительство штата Аляски, компенсировалась затем из доходов фонда. Кроме того, часть доходов фонда, изымаемая правительством штата, была использована, например, для финансирования строительства дорог, школ, системы водоснабжения, аэропорта и др.

В отличие от ПФАК трест фонд Альберты был непосредственно вовлечен в финансирование правительственных инфраструктурных (физических и социальных) и других капиталоемких проектов. Часть его доходов использовалась на финансирование деятельности государственных корпораций, принадлежащих правительству провинции и на предоставление займов другим провинциям Канады.

Следует отметить, что в начале 2000-х гг. политика правительства Альберты в отношении ТФНСА подверглась резкой критике со стороны некоторых общественных кругов провинции. По мнению этих кругов, провинция, на протяжении всего периода 1977-2004 гг., по существу проедала природную ренту, изымаемую правительством в виде налогов. Из всей собранной за указанный период суммы природной ренты, составившей 122 млрд. канад. долл. и 91,4% было истрачено на покрытие текущих потребительских нужд и только 8,9% отложено в трест фонд. Соотношение потребления к сбережениям составило 10,6 : 1. В результате, было принято решение трансформировать трест фонд в Фонд устойчивого развития (Sustainability fund) и привлечь частный сектор к его управлению. Новый фонд Альберты по своим задачам и принципам оперативной деятельности приближен к фонду Аляски, но все же ряд существенных отличий сохраняются (табл. 10). Правительство Альберты по-прежнему может изменить статус фонда. Некоторые специалисты считают, что новый фонд Альберты скорее можно отнести к фондам, создаваемых на случай чрезвычайной ситуаций, как-то:

- природных катаклизмов;
- экономического коллапса;
- эпидемий и т.д. [16].

Таблица 10

ТРЕСТ ФОНД НАСЛЕДИЯ СБЕРЕЖЕНИЙ АЛЬБЕРТЫ: НЕКОТОРЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Показатель	Результат
Рыночная стоимость фонда, на душу населения Альберты	2919
Активы фонда, % ВВП	6,3
Активы фонда, % чистых финансовых активов государственного сектора	79,6
Активы фонда, % суммарного валового государственного долга	67,8
Активы фонда, % суммарных доходов центрального правительства	39,5
Активы фонда, % суммарных расходов центрального правительства	46,5

Несмотря на отсутствие серьезных исследований воздействия вышеназванных фондов на процесс развития на национальном или региональном уровнях можно с уверенностью констатировать, что, во-первых, они представляют собой эффективный финансовый инструмент для стабилизации бюджетных доходов и расходов; во-вторых, подобные фонды могут также использоваться для генерирования дополнительных доходов как центрального, так и региональных правительств, а также как инструмент сбережения избыточных «минеральных дол-

ларов» с целью создания дополнительных финансовых резервов как для сегодняшних, так и будущих поколений. Накопленные таким образом финансовые активы в регионах с избытком природных ресурсов могут предоставляться в виде кредитов или займов другим регионам, выполняя двойную задачу:

- генерируя дополнительный доход для региона-кредитора;
- оказывая финансовую помощь региону-заемщику.

Особо следует отметить роль программы дивидендов фонда Аляски. Как свидетельствует опыт Аляски, такая программа может быть использована в качестве дополнительного стимула для привлечения дополнительной рабочей силы и для прекращения оттока местного населения в другие регионы страны. Эффект от такой программы может быть значительно усилен с помощью дополнительных мер местного правительства по созданию рабочих мест и развитию малого и среднего предпринимательства.

В настоящее время управление «сырьевыми» доходами происходит следующим образом. С 1 февраля 2008 г. Стабилизационный фонд РФ разделен на два фонда – Резервный фонд и Фонд национального благосостояния. В соответствии с рядом постановлений Правительства РФ. Министерство финансов РФ управляет средствами данных фондов путем приобретения за счет средств Резервного фонда и Фонда национального благосостояния иностранной валюты и ее размещения на счетах по учету средств фондов в иностранной валюте в Центральном банке РФ. В этой связи указанные средства не могут быть использованы против интересов РФ.

Приоритетным направлением использования средств Стабилизационного фонда являлось досрочное погашение государственного долга (что, в частности, отражено в бюджетных посланиях Президента РФ Федеральному Собранию «О бюджетной политике в 2006 г.» и «О бюджетной политике в 2007 г.»). Это было связано с необходимостью обеспечения экономической безопасности страны и недопущения роста процентного отношения государственного долга к ВВП.

Признаком инфляционного обесценения Резервного фонда и Фонда национального благосостояния будет являться снижение их покупательной способности не по отношению к российским товарам, а по отношению к товарам в странах, в валюте которых накапливаются их средства. Для сохранения стоимости средств фондов происходит их инвестирование в соответствующие активы, приносящие доход, что обеспечивает защиту средств Резервного фонда и Фонда национального благосостояния от инфляции.

Утвержденная Минфином РФ нормативная валютная структура средств Резервного фонда и Фонда национального благосостояния (45% – в долларах США, 45% – в евро, 10% – в фунтах стерлингов) обеспечивает минимизацию влияния высокой волатильности международных валютных рынков на финансовые результаты размещения указанных средств.

Порядок использования средств Резервного фонда и Фонда национального благосостояния определен ст. 96.9 и ст. 96.10 Бюджетного кодекса РФ.

В соответствии со ст. 96.9 Бюджетного кодекса РФ Резервный фонд представляет собой часть средств федерального бюджета, подлежащих обособленному учету и управлению в целях осуществления нефтегазового трансферта в случае недостаточности нефтега-

зовых доходов для финансового обеспечения указанного трансферта.

Средства Резервного фонда могут быть использованы по двум направлениям:

- для финансового обеспечения нефтегазового трансферта в случае недостаточности нефтегазовых доходов для формирования указанного трансферта;
- на досрочное погашение государственного внешнего долга РФ.

В соответствии со ст. 96.10 Бюджетного кодекса РФ Фонд национального благосостояния представляет собой часть средств федерального бюджета, подлежащих обособленному учету и управлению в целях обеспечения софинансирования добровольных пенсионных накоплений граждан РФ, а также обеспечения сбалансированности (покрытия дефицита) бюджета Пенсионного фонда РФ.

Объем использования средств Резервного фонда и Фонда национального благосостояния определяется федеральным законом о федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период. Таким образом, при определении плана использования средств Резервного фонда и Фонда национального благосостояния учитывается мнение всех сторон, участвующих в принятии федерального закона о федеральном бюджете – Правительства РФ, Государственной Думы и Совета Федерации Федерального Собрания РФ, Президента РФ.

Целью Резервного фонда является обеспечение финансирования бюджетных расходов и сбалансированности федерального бюджета. В случае, если доходов от нефти и газа, поступивших за год, будет недостаточно для целей бюджета, тогда определенная часть средств может быть изъята из Резервного фонда. Средства Резервного фонда могут также использоваться на досрочное погашение государственного внешнего долга в соответствии с законом о федеральном бюджете на соответствующий год.

Средства Фонда национального благосостояния могут быть использованы только на софинансирование добровольных пенсионных накоплений граждан РФ и обеспечение сбалансированности (покрытия дефицита) бюджета Пенсионного фонда РФ.

Несмотря на выбранный экономический курс, эффективной государственной политики в отношении «сырьевых» доходов не происходит. Остаются высокими внутренние риски:

- продолжается падение спроса;
- возможно падение цен на нефть и отток капитала.

Инфляция не дает возможности перейти к низким ставкам кредита, создать стимулы к сбережению у населения.

Зависимость экономики РФ от цен на нефть, притока капитала и внешних заимствований, осуществляемых банками, стала основной причиной столь сильного влияния кризиса на экономику России. Также среди слабых мест российской экономики он назвал небольшой размер сектора малых и средних предприятий, недиверсифицированность, низкую конкурентоспособность. В настоящий момент наблюдается сокращение притока капитала в развивающиеся страны, в ближайшие два г. цены на нефть, по всей вероятности, останутся низкими. Средняя цена нефти марки Urals в январе 2009 г. составила 44,2 долл. / барр., в феврале – 43,1 долл. / барр. В настоящее время российский экспорт энергоносителей ориентирован практически пол-

ностью на страны Запада и обеспечивает 25% потребления природного газа и 12% нефти в странах Евросоюза.

Анализ развития экономики постсоветской России приводит также к выводу о том, что у «голландской болезни» может быть еще одна (наряду с ростом добычи сырья или мировых цен на него) причина: переход части отраслей Н-сектора в Т-сектор. Следует отметить, что разбиение несырьевых отраслей на эти два сектора зависит от системы государственного регулирования экономики. Либерализация внешней торговли и цен в РФ привела к тому, что множество российских предприятий (особенно производители потребительских товаров) оказались неконкурентоспособными по сравнению с иностранными.

Поскольку снятие протекционистских барьеров происходило поэтапно, свертывание российской обрабатывающей промышленности растянулось на несколько лет. При сокращении продукции промышленности за 1991-1998 гг. на 56% выпуск продукции снизился:

- машиностроения и металлообработки – на 64%;
- лесной, деревообрабатывающей и целлюлозно-бумажной – на 66%;
- промышленности строительных материалов – на 70%;
- легкой промышленности – на 89%;
- пищевой – на 47%.

Наиболее сильно упал выпуск продукции указанных отраслей в 1994 г. При этом продукция нефтедобывающей промышленности за указанный период снизилась гораздо меньше – на 32%, а газовой – на 15%. В результате высвободились дополнительные ресурсы углеводородов для наращивания их экспорта. Таким образом, РФ переживала приступ «голландской болезни» в 1992-1998 гг., а не только в 1996-1998 гг.

После 1998 г. произошло временное ослабление «голландской болезни» благодаря многократной девальвации рубля, вызванной падением цен на нефть и валютно-финансовым кризисом. Последовавший рост цен на энергоносители стал причиной ее нового «приступа», хотя, по мнению некоторых авторов, пока что наблюдаются только первые признаки обострения «голландской болезни».

Еще в 2001 г. Е. Гайдар говорил, что нам безумно повезло, что мы вошли в период высоких цен с предельно низким реальным курсом рубля, соответственно, у нас был большой задел его постепенного роста после краха 1998 г. Тем не менее, если высокие цены на нефть продержатся еще год, два, три, четыре, эта «подушка» неизбежно исчезнет если, не дай Бог мы получим 30-40 долл. за баррель и в этой ситуации очень сложно избежать серьезнейших проблем с резким и опасным укреплением реального курса рубля.

Наряду с секторами экономики, производящими торгуемый и неторгуемый продукт, в российской экономике следует выделить три промежуточных сектора. В-сектор производит вооружения, военную технику, спецсредства и другую продукцию, которая экспортируется из России, но почти не импортируется по соображениям национальной безопасности или другим причинам. К П-сектору относятся пищевая и легкая промышленности, машиностроение и т.п. отрасли, импорт и экспорт продукции которых затрудняется протекционистскими барьерами, причем более высокими в западных странах, чем в РФ. Их экспорт осложняется также несоответствием качества российской продукции международным потребительским стандартам и

вкусам, формируемым, в частности, рекламой. Д-сектор производит товары (металлы, минеральные удобрения и т.п.), которые продаются на внутреннем или внешнем рынках вследствие своей дешевизны, порождаемой более низкими внутренними ценами на энергоносители, чем за рубежом. Другими словами, наличие протекционистских и транспортных барьеров препятствует дальнейшему свертыванию обрабатывающей промышленности в РФ.

При выделении трех промежуточных секторов от Т-сектора в РФ мало что остается. Из нее экспортируются уже в основном сырьевые либо энергоемкие товары и РФ, очевидно, страдает «голландской болезнью», что выражается в почти полном исчезновении обрабатывающей промышленности, способной производить торгуемые (т.е. конкурентоспособные на мировом рынке) товары. Итак, «голландская болезнь» – объективный феномен экономического развития стран, обладающих значительными ресурсами сырья. Борьбаться с ее негативными последствиями очень трудно. Беда «голландской болезни» в том, что есть паллиативные рецепты, как с этим бороться (что делать, чтобы она развилась не слишком быстро), но надежных способов ее предотвращать или лечить, в общем, не существует». Правительство РФ и Центральный банк РФ (ЦБ РФ) предпринимают огромные усилия, чтобы не допустить большой ревальвации рубля. Если бы Правительство РФ не выплатило в 2005-2006 гг. досрочно долги странам – членам Парижского клуба кредиторов в объеме более 39 млрд. долл., а ЦБ РФ не скупал избыток валюты, наращивая золотовалютные резервы (ЗВР) и денежные предложения, то доллар мог бы уже стоить 20 руб. и менее. Однако «нефтедолларовая эмиссия» усиливает инфляцию, что приводит к укреплению реального курса рубля. При этом часть эмиссии стерилизуется Правительством РФ путем «замораживания» огромных бюджетных средств на счетах в ЦБ РФ. По мнению некоторых экономистов, профицит бюджета приводит к сокращению темпов экономического роста и огромным потерям доходов граждан и государства. Однако Правительство РФ и ЦБ РФ просто вынуждены наращивать средства Резервного фонда при проводимой ими макроэкономической политике. Ведь эффективных макроэкономических методов лечения «голландской болезни» в экономической науке известно мало. Т-сектор и все промежуточные секторы уязвимы к укреплению реального курса рубля и повышению внутренних цен на энергоносители до уровня экспортных, на котором так настаивает Евросоюз. Для В-сектора и Д-сектора они приводят к снижению конкурентоспособности экспортируемых вооружений, металлов и минеральных удобрений. П-сектор теряет позиции на внутреннем рынке, так как экспорт его продукции за рубеж невелик. Поэтому большинство экспертов считают важнейшей причиной снижения темпов роста производства торгуемого продукта в РФ, укрепление реального курса рубля. Кроме того, в условиях укрепления номинального курса национальной валюты возникает приток спекулятивного капитала в страну, который способен еще более укрепить курс. Если же ЦБ РФ поддерживает фиксированный курс национальной валюты, скупая избыточное предложение иностранной валюты, происходит чрезмерная денежная эмиссия и усиливается инфляция, поэтому:

- во-первых, следует де-факто зафиксировать номинальный курс рубля по отношению к «бивалютной» корзине, чтобы сделать неэффективным ввоз в РФ спекулятивного капитала. В результате произойдет отток из нее десятков миллиардов долларов. Государственным предприятиям надо запретить привлекать иностранный капитал в период высоких цен на нефть. Взамен государство должно предоставлять им кредиты на замещение иностранных заимствований за счет средств Резервного фонда и золотовалютных резервов;
- во-вторых, необходимо обеспечить резкое снижение темпов роста уровня цен, чтобы замедлить укрепление реального курса рубля.

Наряду с макроэкономическими, паллиативными мерами, следует использовать весь спектр инструментов государственного регулирования экономики. Необходимо перейти к государственной экономической политике, нацеленной на обеспечение высоких темпов технологического прогресса в экономике в целом. Например, некоторые авторы предлагают осуществлять субсидии в сектор торгуемых нефтяных товаров, когда сектор показывает потенциал значительного эффекта «обучение в процессе работы», обуславливающего повышение производительности. При всей полезности данной рекомендации, необходим комплексный подход к решению данной проблемы.

Нужно радикально снизить налоговую нагрузку на несырьевые секторы экономики при сохранении высоких экспортных пошлин на вывоз сырья. Снижение социального налога – давно назревшая задача. Ее можно решить путем финансирования сфер здравоохранения и среднего образования за счет рентных доходов. Пособия по безработице следует заменить социальными кредитами, что не только снизит ставку социального налога, но и уменьшит роль «инфляции издержек». Следует также пересмотреть отношение к Н-сектору, как к отраслям, не вносящим вклад в рост эффективности экономики в целом. Государство должно радикально увеличить финансирование и стимулирование НИОКР и инноваций в экономике, в первую очередь – фундаментальной науки и инновационно активных предприятий. Нужен еще один национальный проект «Наука и инновации». Кроме того, для стимулирования развития наукоемких отраслей необходимо осуществить разработку и закупки для российских вооруженных сил и правоохранительных органов новейших вооружений и спецсредств.

Государство должно не только увеличить вложения бюджетных средств в развитие «человеческого капитала», но и радикально повысить эффективность их использования с помощью информационных технологий и институциональных преобразований. Чтобы расходы на образование не превращались в финансирование подготовки квалифицированных кадров для развитых стран, следует создать систему предоставления образовательных кредитов для получения высшего и специального образования, а также повышения квалификации безработными.

Необходимо переводить такие отрасли, как финансовые услуги, из Н-сектора в Т-сектор лишь после того, как они достигнут мирового уровня конкурентоспособности.

Пора, наконец, реформировать всю институциональную систему производства услуг государственного сектора с целью повышения его эффективности. Некоторые подвижки в этом отношении, связанные с реализацией концепции «электронного правительства», наблюдаются даже в РФ. Однако рост производительности труда в

системе государственного управления, правоохранительных органов, Вооруженных Силах РФ, в системе социального обеспечения РФ практически отсутствует. Особенно назрела проблема реформирования жилищно-коммунального сектора, генерирующего рост цен и растрату ресурсов при неприемлемо низком качестве услуг. Его объекты находятся в муниципальной собственности, а потребители практически лишены возможности влиять на деятельность производителей услуг. Ее эффективность можно поднять «в разы» благодаря созданию системы управления, ориентированной на потребителя и внедрению ресурсосберегающих технологий. Для этого государство должно осуществить значительные вложения средств в модернизацию инфраструктуры.

Лечить «голландскую болезнь» только макроэкономическими методами нельзя. С помощью наращивания Резервного фонда или досрочного погашения госдолга можно лишь купировать ее обострения. Однако существует множество методов повышения эффективности всех секторов экономики, апробированных в отечественной и зарубежной практике государственного регулирования экономического развития и диверсификации экономики – от протекционистских до стимулирования внедрения прогрессивных технологий и институтов. Необходимо задействовать весь их арсенал, причём заниматься этим должны все органы государственной власти и управления в партнерстве с бизнесом, а не только министерство экономического развития и торговли или министерство образования и науки.

Несмотря на происходящее в последние годы оживление экономики, ее общее состояние определяется последними предшествующего продолжительного и резкого падения производства и инвестиций. К 1998 г. уровень производства в РФ сократился по сравнению с 1990 г. на 42,5%, а инвестиции в основной капитал – на 79%. Хотя с 1999 г. наблюдается устойчивый рост ВВП, сегодня его объем едва дотягивает до дореформенного уровня и остается меньше, чем в любой другой стране «восьмерки», вдвое меньше, чем в Индии, и вчетверо меньше, чем в Китае. При этом существенно ухудшилась структура производства – в отличие от других успешно развивающихся стран, наращивавших производство с высокой добавленной стоимостью, в РФ увеличение ВВП обеспечивалось главным образом экспортом энергоносителей и ростом торговли. В структуре промышленного производства устойчиво растет доля топливно-энергетического и химико-металлургического комплексов при сокращении доли машиностроения. Отрасли с высокой добавленной стоимостью продолжали деградировать. Наибольшие разрушения произошли в наукоемкой промышленности, инвестиционном и сельскохозяйственном машиностроении, в легкой промышленности и производстве промышленных товаров народного потребления, где уровень производства упал во много раз, а также в отраслевой науке.

Падение объемов производства пока не сопровождалось столь же масштабным выбытием основных фондов. Вместе с тем вследствие четырехкратного сокращения производственных инвестиций степень их износа превышает 50%, при этом коэффициент обновления составляет менее 2%, что влечет нарастающее технологическое отставание российской экономики. Средний возраст оборудования составляет более 20 лет и вдвое превышает соответствующий показатель, зафиксированный в развитых странах.

В отсутствие сколько-нибудь выраженной инвестиционной и структурной политики государства технологические сдвиги в российской экономике приобрели явно регрессивный характер и выразились в быстрой деградации ее технологической структуры. При этом наиболее серьезный регресс охватил самые современные производства и, на фоне продолжающегося в мире научно-технического прогресса, выразился в откате РФ еще на 15 лет – в дополнение к 10-25-летнему отставанию советской экономики – по отношению к передовому техническому уровню. Большинство производств готовой продукции, замыкающих воспроизводственный контур современного технологического уклада, практически свернуто. Сокращение их производства намного превышает спад производства других видов продукции; произошло практически полное их вытеснение с внутреннего рынка импортными аналогами. Начавшийся после дефолта 1998 г. подъем практически не затронул производства нового технологического уклада. За исключением экспортно-ориентированной части военно-промышленного комплекса и информационных технологий они продолжали деградировать. На мировых рынках высокотехнологичной продукции РФ занимает менее 0,3% – это более чем на два порядка меньше, чем в США, на порядок меньше, чем Мексика, втрое меньше, чем Филиппины. По оценкам экспертов, производства высокотехнологической бытовой электроники, приборостроение и станкостроение оказались в зоне «некомпенсируемого технологического отставания». Стремительное разрушение ядра современного технологического уклада означает разрушение технологической основы устойчивого экономического роста, закрепление отсталости российской экономики.

Структурный кризис в здоровой экономике преодолевается внедрением новых технологий, создающих новые производственные возможности, освоение которых обеспечивает прорыв в повышении эффективности экономики и переход к новому этапу ее роста. При нормальном течении кризиса сокращения экономической активности не затрагивает перспективных производств нового технологического уклада, имеющих потенциал роста и способных стать «локомотивами» будущего экономического развития страны. Наоборот, в это время на фоне общего спада наблюдаются рост производства принципиально новых товаров, подъем инвестиционной и инновационной активности в перспективных направлениях. Происходит «созидательное разрушение» сложившейся технологической структуры, ее модернизация на основе расширения нового технологического уклада, что создает новые возможности для экономического роста. При этом совершается переток капитала из устаревших производств в новые, так как продолжение инвестиций в сложившихся направлениях оказывается более рискованным, чем инвестиции в нововведения.

Таким образом, в кризисе российской экономики мы наблюдаем явную патологию, характеризующуюся хаотическим распадом экономической системы, ее деградацией и примитивизацией. Кризис не привел к обновлению производства на передовой технологической основе. Начавшийся после банкротства государственной финансовой системы подъем обеспечивается главным образом конъюнктурными факторами и проходит на старой технологической основе, которая продолжает деградировать. Экономика распалась на относительно

благополучный экспортно-ориентированный сырьевой сектор и сужающийся под давлением импорта внутренний сектор, который все больше отстает в технологическом и институциональном отношении от зарубежных конкурентов и разрушается. При этом воспроизводственный контур первого все более замыкается на мировой рынок, изолируясь от внутреннего. По расчетам специалистов Института народнохозяйственного прогнозирования Российской академии наук, в перспективном периоде до 60% необходимых для модернизации российской экономики технологий, возможно, придется приобретать за границей. В результате доходы от экспорта сырья и энергоносителей остаются за рубежом, лишь в незначительной степени трансформируясь в спрос на отечественную продукцию. Вклад повышения внутренней конкурентоспособности в прирост ВВП постоянно падает, снизившись с 5,9% в 1999 г. до 2,1% в 2004 г., в то время как вклад роста экспорта вырос соответственно с 0,5% до 5,1%. Согласно данным Правительства РФ снижение значения внутренних факторов экономического роста продолжалось и в прошлом году, тогда как вклад увеличения цен на нефть продолжал нарастать. Российская экономика становится все более примитивной, беря на себя функции сырьевого придатка Евросоюза и лишаясь механизмов самостоятельного воспроизводства.

Дезинтеграция экономики усиливается в процессе воспроизводства сложившихся контуров перераспределения добавленной стоимости между секторами. По имеющимся оценкам, через «ножницы цен» и заниженный курс национальной валюты внутренне ориентированный сектор передает экспортно-ориентированному сектору и торговле большую часть создаваемой им добавленной стоимости. В свою очередь денежные власти изымают из экспортно-ориентированного сектора около 6% ВВП в Стабилизационный фонд, размещая его за рубежом. Более чем пятикратное превышение нормы прибыли в экспортно-ориентированном секторе, по сравнению с внутренне ориентированным, постоянно воспроизводит и усиливает их разрыв, отражаясь в различии интенсивности обновления основных фондов, возможностях привлечения трудовых ресурсов и инвестиций.

При сложившихся ценовых пропорциях и масштабах вывоза капитала за рубеж внутренне ориентированный сектор будет продолжать деградировать, субсидируя экспорт и – опосредовано – вывоз капитала, пока его возможности генерирования энергии и трудовых затрат не будут исчерпаны. По мере деградации внутренне ориентированного сектора будет уменьшаться перераспределение создаваемой им добавленной стоимости и, соответственно, падать темпы экономического роста (до 2-4% прироста ВВП к 2010 г.). Неизбежное в этом случае сужение возможностей воспроизводства экономического потенциала повлечет его резкое сжатие вследствие массового выбытия устаревших основных фондов во внутренне ориентированном секторе и социальной сфере. В результате российская экономика, попав в сырьевую ловушку, окончательно опустится на периферию мирового хозяйства. Это будет означать стагнацию низкого уровня жизни большинства населения, две трети которого будут лишены перспективы самореализации и получения высоких доходов.

Преодоление тенденций становящейся необратимой деградации научно-производственного потенциала тре-

бует резкого наращивания инвестиционной и инновационной активности. По оценкам некоторых ученых, для реальной модернизации экономики отечественные инвестиции в течение ближайших 15 лет должны расти примерно на 18% к предыдущему году. Только для выхода в режим простого воспроизводства основного капитала объем производственных инвестиций должен быть увеличен втрое, а НИОКР – впятеро. Сделать это надо в ближайшие годы, поскольку вследствие запредельного износа устаревших производственных фондов до половины их может выбыть уже до конца текущего десятилетия.

Имеющиеся механизмы инвестиционной деятельности неспособны решить эту задачу. Сложившаяся в РФ модель инвестиционной деятельности характеризуется маломощностью, неэффективностью и примитивностью. Ни фондовый рынок, ни банковская система не выполняют своих функций по аккумулярованию сбережений и их трансформации в инвестиции. Главными инвесторами являются сами производственные предприятия, на долю которых приходится более 60% всего объема негосударственных инвестиций. Инвестиционная активность выродилась до уровня минимальных технологических нужд предприятий. Удельный вес долгосрочных финансовых вложений в общем объеме финансовых вложений предприятий составляет около 20%. Государство фактически прекратило поддерживать инвестиционные процессы и сняло с себя ответственность за развитие производства, а новые рыночные институты обеспечения расширенного воспроизводства, прежде всего банковская система и фондовый рынок, так и не сложились.

Спецификой российской банковской системы является ее дисфункциональность. Большинство российских коммерческих банков не выполняют главную функцию трансформации сбережений в производственные инвестиции. Совокупный капитал российских коммерческих банков оценивается в 65 млрд. долл., а суммарные активы всей банковской системы РФ составляют 540 млрд. долларов, что сравнимо с капиталом и активами одного крупного зарубежного коммерческого банка. При этом российские коммерческие банки работают в своеобразном институциональном вакууме: предложение кредитных ресурсов искусственно сдерживается денежными властями. В отсутствие реальных механизмов рефинансирования ЦБ РФ трудно рассчитывать на то, что банковская система сможет обеспечить необходимый уровень инвестиционной активности. Совокупный вклад банков в финансирование инвестиций в основной капитал не превышает 10%. Еще меньше инвестиционный вклад фондового рынка, который в РФ обслуживает главным образом финансовых спекулянтов. В сочетании незначительного объема и спекулятивного характера российского фондового рынка заключается своеобразный порочный круг, замыкающий его в обслуживании краткосрочных спекулятивных инвестиций.

Вместе с тем финансовые возможности предприятий, несущих основную нагрузку поддержания инвестиционной активности в экономике, весьма ограничены. Объем амортизационных отчислений, являющихся главным источником финансирования инвестиций, составляет 2,2% к объему основных фондов. Невелики и возможности финансирования инвестиций за счет прибыли. За исключением экспортно-ориентированных отраслей топливно-энергетического и химико-металлургического

комплексов, в которых объем прибыли остается весьма высоким, благодаря благоприятной внешнеэкономической конъюнктуре, рентабельность в промышленности в среднем составляет около 6%, не позволяя финансировать расширенное воспроизводство основного капитала. В 2008 г. треть предприятий обрабатывающей промышленности, более четверти строительных организаций и 40% сельхозпредприятий были убыточными. В результате закрепляется сырьевая структура российской экономики – основная часть капитальных вложений в промышленность концентрируется в топливно-энергетическом и химико-металлургическом комплексах. Доля высокотехнологических отраслей в структуре инвестиций в 2,5-3 раза ниже их доли в структуре выпуска промышленной продукции.

В то же время значительная часть из простаивающих сегодня мощностей обрабатывающей промышленности может быть вовлечена на производство в случае улучшения финансового положения предприятий. По различным оценкам, возможности роста производства на существующих мощностях составляли в начале нынешнего десятилетия не менее 35-40%. Но в силу нарастающего износа основных фондов нужны инвестиции в их модернизацию на новой технологической основе. Сохранившийся научно-технический потенциал еще позволяет восстановить и обеспечить расширенное воспроизводство ряда ключевых технологий современного и нового технологических укладов. Но время, в течение которого можно решить эти задачи, неумолимо сжимается.

Вывраться из сырьевой ловушки с каждым годом становится все сложнее вследствие нарастающей глобальной конкуренции, в которой РФ явно проигрывает. Возможности сужаются по мере структурирования нового технологического уклада мировой экономики и соответствующей ему страновой специализации. Чтобы выйти из тупика, необходимо кардинально изменить экономическую политику государства. Она должна основываться на наращивании национальных конкурентных преимуществ на магистральных направлениях формирования нового технологического уклада с учетом глобальных закономерностей современного экономического роста.

Формально неплохие макроэкономические показатели развития российской экономики за последние годы скрывают грубые просчеты в политике денежных властей, которые не позволили использовать благоприятную внешнеэкономическую конъюнктуру для вывода России на траекторию быстрого и устойчивого социально-экономического развития. Природная рента, формирующаяся за счет экспорта энергоносителей и сырьевых товаров в объеме до 60 млрд. долл. в год, была использована для погашения внешнего долга и накопления Стабилизационного фонда. При этом российская экономика осталась недомонетизированной, объем инвестиций втрое ниже минимально необходимого для обеспечения простого воспроизводственного уровня, социальные обязательства государства недофинансируются, а расходы на науку и стимулирование научно-технического прогресса остаются на порядок ниже дореформенного уровня.

Неспособность денежных властей эффективно распорядиться обрушившимся на РФ потоком нефтедолларов оборачивается для предприятий завышенными

процентными ставками и трудностями в получении кредита.

Все последние годы ЦБ РФ использует единственный канал денежной эмиссии – «прирост чистых международных резервов органов денежно-кредитного регулирования», величина которых уже втрое превышает целесообразный уровень, эквивалентный полугодовому объему импорта. Привязка денежной эмиссии к приросту валютных резервов при количественном ограничении денежной массы влечет изъятие денег с внутреннего рынка, следствием чего становится недо-монетизация экономики.

К примеру, на 2008 г. верхняя граница прироста денежной массы (агрегат M2) оценивалась ЦБ РФ в 28%. Денежная эмиссия под прирост валютных резервов в объеме 120 млрд. долл. составила около 3,2 трлн. руб., что эквивалентно удвоению денежной базы. Реально ее прирост составил 952 млрд. руб. – остальная часть денежной эмиссии была стерилизована путем вывода в Резервный фонд 1995 млрд. руб. налоговых поступлений, привлечения на депозиты и в облигации 160 млрд. руб. и увеличения государственных заимствований на внутреннем рынке на 132 млрд. руб. Таким образом, денежные власти изъяли за год 2 282 млрд. руб., которые в противном случае были бы направлены на финансирование производства и инвестиций. При такой политике выходит, что чем больше валютной выручки приходит в РФ от экспорта нефти и газа, тем меньше денег остается для внутреннего производства.

В рамках принятых денежными властями ограничений на прирост денежной массы не только увеличение доходов, но и наращивание экспорта оказывается для экономического роста бесполезным. Ведь при превышении денежной эмиссии под прирост валютных резервов установленной ЦБ РФ верхней границы прироста денежной массы получается, что чем больше в страну поступит валютной выручки, тем больше будет величина стерилизации денежной массы. В той мере, в которой доходы получают нефтегазовые компании, деньги будут изъяты из государственного бюджета и из банковской системы с целью их замораживания в Стабилизационном фонде и долговых обязательствах ЦБ РФ. Иными словами, чем больше в страну поступит нефтедолларов, тем меньше денег будет предоставлено для развития других отраслей экономики и бюджетной сферы. Это следует из логики Основных направлений денежно-кредитной политики на 2010 г., ограниченных исключительно разными вариантами стерилизации «избыточной» ликвидности. Все четыре сценария денежной политики сводятся к изъятию денег из экономики пропорционально величине поступающих в страну нефтедолларов.

В этом второй парадокс проводимой макроэкономической политики – чем больше валютных поступлений получает экономика, тем больше капитала государство вытаскивает за рубеж. При этом вслед за государством, наращивающим свои валютные резервы сверх разумной меры, к вывозу капитала подталкиваются частные корпорации.

Никаких сколько-нибудь обоснованных моделей, позволяющих рассчитать зависимость между приростом денежной массы и уровнем инфляции, ни ЦБ РФ, ни правительство не представляют, фактически они исходят из линейной зависимости между темпом прироста

цен (инфляцией) и темпом прироста денежной массы, считая скорость их обращения и объем товарной массы неизменными. Отсюда вытекает и логика проводимой ими политики количественного ограничения денежной массы в целях сдерживания инфляции, которая бездоказательно предполагает фиксацию нынешнего уровня монетизации экономики страны. Темп прироста денежного агрегата M2 составил около 28%, что находится в рамках диапазона, предусмотренного в Основных направлениях единой государственной денежно-кредитной политики на 2008 г.

Многочисленные эмпирические исследования по данным разных стран доказали отсутствие статистически значимой зависимости между инфляцией и уровнем монетизации экономики, так же как и приростом денежной массы. Более того, в последние годы отчетливо наблюдается отрицательная корреляция между приростом денежной массы и инфляцией. С ремонетизацией российской экономики происходит нормализация денежного обращения (вытеснение суррогатов, дедолларизация, повышение доверия к рублю) снижается его скорость и, соответственно, уменьшается инфляция.

Во-вторых, хотя прирост количества денег в обращении превышает в последние годы 40%, уровень монетизации российской экономики остается явно недостаточным. Об этом свидетельствуют как межстрановые сопоставления, так и хроническая нехватка кредитных ресурсов для предприятий, которые во все больших масштабах прибегают к займам за рубежом. Согласно правительственному прогнозу «уровень монетизации экономики возрастет с 28% ВВП в 2005 г. до 34-39% в 2009 г., что значительно ниже, чем у таких быстроразвивающихся стран, как Индия и Китай». Добавим, что в последнем отношении M2 к ВВП достигало в период наиболее быстрого экономического роста 236%, не сопровождаясь при этом инфляцией. Более того, в период быстрого роста экономики в 1996-2000 гг., когда ВВП Китая вырос на 49%, а прирост денежной массы составил 222%, цены снижались на 2-4% в год благодаря опережающему росту производства потребительских товаров и регулированию доходов.

Сведение всех факторов, генерирующих инфляцию, к приросту денежной массы – грубейшее упрощение, приводящее к хронической недомонетизации российской экономики, следствием которой становится искусственное снижение инвестиционных возможностей и сдерживание экономического роста. Норма накопления (отношение объема инвестиций к ВВП), упав более чем вдвое в начале реформ, остается на крайне низком уровне 18-20%. Международный опыт свидетельствует о том, что страны, которым пришлось осуществлять модернизацию и структурную перестройку своей экономики, чтобы сделать ее конкурентоспособной, в течение долгих периодов демонстрировали очень высокий уровень инвестиций. В послевоенной Европе норма накопления вплоть до 1970-х гг. составляла 25%. В Японии в тот же период она достигала 30%, а в Южной Корее была еще выше. В период индустриализации в СССР, а также в проводящем модернизацию экономики современном Китае норма накопления превышала 1/3, достигая 40% ВВП.

Использование профицита бюджета в инвестиционных целях повысило бы норму накопления до 25-28%, что соответствовало бы нормальному уровню динамично развивающихся стран. Согласно расчетам В.Е. Де-

ментьева по модели догоняющего развития «достаточно увеличения нормы накопления с 22,3% до 26%, чтобы с консервирующей отставание траектории развития перейти на траекторию его преодоления. Увеличение рассматриваемой нормы до 28% позволяет сделать это относительно быстро». По другим оценкам, чтобы исправить положение с обновлением основных фондов и серьезно заняться реструктуризацией промышленности с учетом допущенного отставания в 1992-2004 гг., необходим уровень накоплений не менее 40% ВВП. Из этого следует беспочвенность рассуждений руководителей денежных властей об избыточности денежной массы – в действительности использование ее стерилизуемой части в инвестиционных целях лишь приблизило бы норму накопления к необходимому уровню.

Инфляция, как известно, имеет многофакторную природу, и ее сведение лишь к одному приросту денежного предложения не выдерживает критики. Если принять последнее неизменным, то легко показать, что инфляция может генерироваться:

- увеличением скорости обращения денег вследствие повышения инфляционных ожиданий населения или снижение его склонности к сбережениям;
- снижением обменного курса национальной валюты;
- социальным давлением на рост доходов населения в целях увеличения потребления при неизменном объеме потребительских благ;
- завышением цен монополистами.

Лишь последний фактор генерирования инфляции находится в прямом ведении правительства. При этом оно не проявляет ни желаний, ни способности его обуздать. Напротив, каждый год правительство задает планы роста регулируемых им тарифов на услуги естественных монополий, запуская тем самым спираль инфляции издержек по всем технологическим цепочкам.

Основным направлением борьбы с инфляцией в здоровых экономиках является повышение эффективности и рост объемов производства. За счет научно-технического прогресса происходит непрерывное снижение издержек производства и создаются возможности наращивания его объемов, что ведет к увеличению предложения товаров и, в условиях добросовестной конкуренции, к снижению цен. Поэтому в развитых странах государство наращивает расходы на стимулирование инновационной и инвестиционной активности.

Хотя Центральный банк сегодня уже признает ведущее значение немонетарных факторов инфляции, борьба с ней по-прежнему сводится к количественному ограничению прироста денежной массы. В условиях, когда главным источником инфляции является завышение цен монополистами, такая денежная политика ведет к сужению возможностей экономического роста и роста доходов населения, сводясь к обслуживанию перетока доходов к монополизированным и экспортно-ориентированным отраслям. При этом ее антиинфляционная эффективность остается весьма низкой, так как ограничение роста доходов населения и расходов государства почти не влияет на возможности монополистов завышать цены. Наоборот, сокращая конечный спрос и ухудшая условия кредитования производства, угнетая инвестиционную и инновационную активность, эта политика ведет к сокращению предложения товаров и ускорению оборота денег, что, согласно тому же ее основополагающему тождеству монетарной теории, влечет повышение инфляции.

Так возникает еще один парадокс проводимой денежной политики – чем больше денег стерилизуют денежные власти, тем труднее подавить инфляцию.

Ошибочность постулата о некотором предельном с точки зрения инфляционной безопасности уровне монетизации российской экономики опровергается не только многочисленными исследованиями, но и курьезными последствиями необоснованной политики количественного ограничения прироста денежной массы. В той мере, в которой правительство изымает деньги налогоплательщиков из российской экономики и вывозит их за рубеж, они направляются туда же, чтобы занять недостающие им денежные средства.

Узость ресурсной базы банковской системы и практически полное отсутствие механизмов долгосрочного кредитования производственной сферы – прямое следствие ограничительной политики денежных властей, не выполняющих функцию организации кредита. Достаточно сказать, что отношение объема кредитов частному сектору, совокупного капитала и активов банковского сектора к ВВП в РФ впятеро меньше, чем в других странах «восьмерки» и вдвое меньше, чем в других странах с переходной экономикой. Подавляющее большинство предприятий вынуждены развиваться только за счет собственных средств – доля банковских кредитов не превышает 10%. Для сравнения, этот показатель составляет:

- в США – 40%;
- в ЕС – в среднем 42-45%;
- в Японии – 65%.

Темпы роста банковского кредита могли быть гораздо выше, если бы ЦБ РФ и Правительство РФ создавали для этого необходимые условия. Но, искусственно сдерживая денежное предложение и удерживая ставку рефинансирования на уровне, существенно превышающем рентабельность внутренне ориентированных секторов экономики, ЦБ РФ блокирует развитие всей банковской системы, ограничивая спрос на деньги краткосрочными спекулятивными операциями и сверхприбыльными отраслями. Своей политикой ЦБ РФ подталкивает конкурентоспособные предприятия к кредитованию за границей, подрывая тем самым возможности роста отечественной банковской системы и финансового рынка.

Как известно, современный мировой экономический рост начался с промышленной революции в Европе, которая стала возможной благодаря организации долгосрочного дешевого кредита государством, создавшим механизм эмиссии национальной валюты. Экономическое чудо быстрого восстановления разрушенной войной стран Западной Европы стало возможным благодаря механизму рефинансирования коммерческих банков под векселя промышленных предприятий, которые переучитывались центральными банками этих государств. Столь же стремительный послевоенный подъем Японии был обеспечен дешевыми кредитными ресурсами, создававшимися государственной кредитно-финансовой системой на основе долгосрочных сбережений граждан. Сегодняшний рост экономики Китая питается эмиссией кредитных ресурсов, предоставляемых под низкий процент на цели модернизации производственных предприятий через государственные банки.

К сожалению, весь этот колоссальный опыт успешного кредитования экономического роста РФ остается не вос-

требуемым денежными властями РФ. Главным результатом их политики становится дефицит денежного предложения, приводящий к завышению процентных ставок, эмиссии денежных суррогатов, долларизации экономики и, в результате, – к росту транзакционных издержек, падению конкурентоспособности отечественных товаропроизводителей, деградации и сокращению производства. Выгоду от этого получают экспортеры, пользуясь заниженным курсом рубля для извлечения сверхприбылей от вывоза дешевых природных ресурсов, иностранные инвесторы, по дешевке скупающие права собственности на российские объекты, а также финансовые системы США и Европейского союза, почти бесплатно привлекающие российские валютные резервы для кредитования своего дефицита.

Вследствие искусственной привязки рубля к доллару, денежного предложения – к приросту валютных резервов, жесткого количественного ограничения прироста денежной массы – произвольно задаваемыми параметрами, все не ориентированные на экспорт отрасли посажены на «финансовую мель». У них нет возможности долгосрочных заимствований, крайне ограничен доступ к кредитным ресурсам, отсутствуют механизмы рефинансирования производственной деятельности. Таким образом, закрепляется депрессивное положение и деградация отраслей, ориентированных на внутренний рынок, десятки миллионов людей теряют возможности увеличения доходов, становится хронической массовой бедность.

Налогово-бюджетная политика включает наиболее мощные инструменты государственного воздействия на развитие государств с рыночной экономикой. Через них осуществляется перераспределение от 1/3 до 1/2 ВВП современных стран. При этом развитые страны поддерживают уровень расходов бюджетной системы государства в пределах 40-50% ВВП.

Более чем четырехкратное увеличение уровня государственных расходов в течение последнего столетия (с 10% ВВП в конце XIX в. до 40-50% ВВП в конце XX в. и в настоящее время) объясняется резко возросшей ролью НТП в генерировании экономического роста. В силу специфической открытости науки и образования для общего пользования и невозможности приватизации знаний государство вынуждено финансировать около половины совокупных расходов на НИОКР и подавляющую часть расходов на образование. Именно за счет этих составляющих произошло многократное увеличение расходов государства, которое в условиях современного НТП вынуждено стать государством развития, приняв на себя обязательства по финансированию расходов на воспроизводство интеллектуально-человеческого потенциала и генерирование новых знаний.

Сопоставление динамики структуры государственных расходов развитых стран, показывает, что увеличение государственных расходов на цели социально-экономического развития является необходимой составляющей современного экономического роста, основанного на НТП. Согласно существующему разделению функций государства на традиционные (оборона и правопорядок) и современные (развитие интеллектуально-человеческого потенциала), можно отметить, что сегодня в мире через государственные бюджеты тратится, в среднем, на современные функции 17,8% ВВП, а на традиционные – только 5,3%. Со-

отношение между этими статьями расходов – 3,4:1. В развитых странах эти показатели составляют 25,0% и 3,9% (соотношение – 6,4:1), в странах с переходной экономикой – 22,1% и 3,8% (соотношение – 5,8:1).

В противовес мировой закономерности увеличения государственных расходов на выполнение современных функций государства, в РФ большая часть государственных расходов идет на выполнение традиционных функций. В 2007 г. на эти цели из федерального бюджета будет потрачено 7,4% ВВП, что почти на 25% превышает среднемировой показатель. Если развитые страны на выполнение полицейско-бюрократических функций расходуют около 11% бюджета своих центральных органов власти (среднемировой уровень этих расходов составляет около 20%), то в федеральном бюджете РФ на 2007 г. на эти цели предусматривается более 42,2%. При этом наше государство тратит на современные функции в три раза меньше (4,7% ВВП). То есть у нас соотношение расходов на традиционные и современные функции составляет 2 : 1. Такая структура бюджета была характерна для государства образца XVIII–XIX вв.

Структура расходов российского бюджета сформировалась в постсоветский период под влиянием псевдонаучной доктрины рыночного фундаментализма, отрицающей очевидную закономерность возрастающего значения роли государства в обеспечении социально-экономического развития в условиях современного НТП. Уже многие годы обслуживание внешнего долга остается единственным ярко выраженным приоритетом бюджетной политики правительства. Даже сейчас, после погашения большей части долга и существенно снижения бремени расходов на его обслуживание, в целях успокоения иностранных кредиторов создан колоссальный Стабилизационный фонд (средства которого разрешается тратить только на погашение внешнего долга), отвлекающий из экономики более 13% ВВП. Планируемый на конец 2007 г. размер стабфонда в 4 239 млрд. руб. намного превышает размер государственного внешнего долга, составляющего менее 50 млрд. долл. Единственной целью его наращивания сегодня является стерилизация значительной части денежной массы, кажущейся избыточной разработчикам бюджета.

В 2006 г. профицит бюджета достиг почти 2 трлн. руб., или 7,5% ВВП. В 2007 г. он планируется в размере 1,5 трлн. руб., или 4,5% ВВП. Вывод этих налоговых поступлений из экономического оборота означает соответствующее сокращение конечного спроса и соответствующее снижение ВВП. При условии ограничения госзакупок исключительно отечественными товарами это снижение можно оценить в 5% ВВП в 2006 г. и 3,5% ВВП в 2007 г.

Таким образом, темпы экономического роста были бы почти вдвое выше, если бы Правительство РФ не замораживало пятую часть бюджетных доходов в Стабилизационном фонде, размещаемом за рубежом. Создание инвестиционного фонда даже с учетом ассигнований на финансирование целевых инвестиционных программ общим объемом в 2,7% ВВП, не компенсируют депрессивное влияние огромного профицита бюджета. Последнее усиливается политикой правительства по наращиванию внутреннего государственного долга – без какой-либо нужды правительство планирует размещение на рынке под немалый процент дополнительных

финансовых обязательств на сумму 300 млрд. руб. Тем самым на эту же сумму уменьшается инвестиционный потенциал частного сектора.

Исходя из мирового опыта, можно оценить параметры финансирования важнейших государственных функций, соответствующие современным требованиям. Так, расходы на здравоохранение должны составлять от 5% к ВВП (минимально допустимый уровень, рекомендуемый Всемирной организацией здравоохранения) до 10% (уровень наиболее благополучных стран). Расходы на науку – от 1,5% до 3% к ВВП. На образование – от 5% до 7% ВВП. В консолидированном бюджете РФ на 2007 г. расходы на образование составляют около 4% ВВП, на здравоохранение – около 2,8% ВВП. Если суммировать все отраженные в консолидированном бюджете ассигнования на социальные нужды (3,764 трлн. руб.), то их совокупный вес в ВВП составит 12%. Если к ним прибавить межбюджетные трансферты (1 трлн. руб.), направляемые главным образом на поддержку отраслей социальной сферы и социальные программы, то величина социальных расходов государства достигнет 15,5% ВВП. Это существенно меньше уровня финансирования социальных функций государства не только центральными правительствами развитых стран (21,6%), но и находящихся с нами в одной категории стран с переходной экономикой (18%).

Чтобы достичь среднемирового уровня социальных расходов, российскому государству надо увеличить их на 7,4% ВВП. Эта величина равна профициту федерального бюджета в прошлом году. Таким образом, профицит российского федерального бюджета равен объему недофинансирования социальных расходов по сравнению со среднемировым уровнем. Эта оценка подтверждается в результате расчета недофинансирования социальной сферы по отношению к необходимому уровню его воспроизводства. Иными словами, профицит федерального бюджета образуется не потому, что российское государство получает доходов больше, чем ему требуется для выполнения своих функций, а вследствие недофинансирования социальной сферы.

Не лучше обстоит дело и с финансированием другой фундаментальной функции современного государства – функции развития. Объем расходов на ее реализацию складывается из расходов на научные исследования и расходов на национальную экономику. В совокупности они достигают 2,05% ВВП, в том числе расходы на научные исследования – 0,46% ВВП. Это более чем вдвое ниже среднемирового уровня. С учетом степени износа основных фондов и деградации научно-производственного потенциала российскому государству необходимо поддерживать относительно более высокий уровень расходов на стимулирование НТП, инвестиционной и инновационной активности. Недофинансирование функции развития может быть оценено как трехкратное.

С точки зрения управления собранными средствами, можно выделить два варианта – направление доходов от ренты в специализированный фонд и зачисление их в доходы бюджетов. С точки зрения направлений расходования, можно тем или иным способом распределять средства среди граждан, а можно использовать их на реализацию государственных программ развития экономики.

Простейший способ перераспределения (постоянно эксплуатируемый в политических целях) – распределение собранной ренты между всем населением.

Средства собираются в специальный фонд, из которого каждому гражданину выплачивается или перечисляется на личный счет определенная сумма. Обеспечит ли такой вариант распределения средств рост экономической эффективности? Крайне сомнительно. Даже в самом идеальном варианте, когда из нефтяных компаний изымаются только средства, передававшиеся на выплату дивидендов или «неоправданно высокую» заработную плату топ-менеджмента и уходившие, в конечном счете, на потребление, результатом станет направление средств опять-таки на потребление, теперь уже всего населения. Конечно, малообеспеченные слои населения увеличат спрос на отечественную продукцию, что может стимулировать развитие, например, пищевой или легкой промышленности, но это на самом деле все то же «проедание» нефтяных доходов, «хорошо забытое старое» времен СССР.

Проблема социальной эффективности простым распределением средств между всем населением также решена не будет. Распределение средств поровну между гражданами означает пассивную социальную политику, так как успешному менеджеру эти средства нужны меньше, чем пенсионеру, и логичнее было бы направлять нефтяные доходы в зависимости от нуждемости.

Распределение природной ренты не может быть социально эффективным еще и потому, что суммы ежегодно причитающихся каждому гражданину России доходов оказываются мизерными (порядка 17-18 долл. США от изъятия нефтяной ренты). Необходимо констатировать малоприятный для многих факт, что когда рентные доходы оказываются сконцентрированными у нескольких лиц, их объем кажется огромным. Когда эти же доходы делятся на всех, их оказывается крайне недостаточно.

Гораздо более современный, по сравнению с простой раздачей, вариант, используемый на практике в некоторых нефтедобывающих странах, – это инвестирование собранных средств в надежные источники с выплатой получаемого дохода населению.

Преимущество такого управления средствами – создание стабильного источника доходов, который будет существовать, и после истощения нефтяных месторождений, своего рода «фонда будущих поколений». В данном случае устраняется проблема полного «проедания» полученных средств.

По прогнозам вице-преьера – министра финансов А. Кудрина, доля нефтегазового сектора в ВВП сократится с 25% примерно до 14%. Глава Минфина РФ не исключил, что сокращение может быть и более серьезным. Соответственно, снизятся доходы бюджета от этого сектора. По оценкам Кудрина, доходы только от налога на добычу полезных ископаемых при цене на нефть 60 долл. за баррель снизятся на 2,5% ВВП, а доходы от экспортных пошлин упадут на 1,2% ВВП. «Суммарно мы будем терять до 3-4% ВВП доходов от нефтегазового сектора», – полагает Кудрин. Министр финансов назвал этот процесс «неизбежной диверсификацией». В предыдущие годы Россия, несмотря на ресурсное благополучие, не смогла создать удобные условия для развития базовых отраслей экономики и инноваций.

Киреев Владимир Леонидович

Литература

1. Дмитриева О. Формирование стабилизационных фондов: предпосылки и следствия [Текст] / О. Дмитриева // Вопросы экономики. – 2006. – №8. – С. 26-34.
2. МБРР. Доклад об экономике России. №12. Вашингтон. 2006 г.
3. Протекционистские барьеры в странах – торговых партнерах России [Текст]. – М.: ИНФРА-М, 2006.
4. Фетисов Г.М. «Голландская болезнь» в России: макроэкономические и структурные аспекты [Текст] / Г.М. Фетисов // Вопросы экономики. – 2006. – №12. – С. 38-53.
5. Hodler R. The Curse of Natural Rent in Fractionalized Countries, Economic Department, University of Bern, March 29, 2004.
6. Gibbins R., Ploeg C.V. Investing Wisely. An Investment Strategy for Creative Leadership. Canada West Foundation, Calgary, Alberta, Canada, 2005.
7. Government Pension Fund – Global, Annual Report 2005, table 2, p. 13.
8. Gylfason T. Natural Resources, Education, and Economic Development // European Economic Review 45; Hilaire N. Dutch Disease, Oil and Developing Countries // December 2004.
9. Lartey E. Capital Inflows, Dutch Disease Effects and Monetary Policy in a Small Open Economy // Boston College. January 12, 2006.
10. Norges Bank. Government Pension Fund – Global, Annual Report 2005.
11. Oil Windfalls: Blessing or Curse? Alan Gelb and Associates. A World Bank research publication. Published for The World Bank. Oxford University Press, 1988.
12. The Bank of Finland's Institute for Economies in Transition (BOFIT), BOFIT Russia Statistics and Review. 2005.
13. Warrack A.A., Russell R. Keddie. Alberta Heritage Fund vs. Alaska Permanent Fund: A Comparative Analysis. Faculty of Business, University of Alberta, Edmonton, Canada.

Ключевые слова

Природная рента; стабилизационный фонд; реальный сектор экономики; голландская болезнь; экономический рост; минеральное сырье; экспорт; импорт; сверхприбыль; инфляция.

РЕЦЕНЗИЯ

В условиях усиливающегося финансового кризиса особую важность и значимость приобретают проблемы формирования и использования дополнительных источников финансирования, формирующихся за счет нефтегазовых доходов. Эта проблема является остро дискуссионной и направления ее решения имеют различные плоскости преломления и соответствующие подходы. Поэтому выбранная тема статьи безусловно является актуальной и значимой.

Автором последовательно анализируются имеющиеся точки зрения как российских, так и зарубежных ученых по поводу использования дополнительных сверхдоходов, рассматриваются различные варианты их размещения. Большое место в работе уделено изучению зарубежного опыта формирования специальных фондов аккумуляции дополнительных доходов, приведены примеры конкретных стран, имеющих подобные фонды. В статье с критических позиций рассмотрена российская практика формирования и использования фондов «резервной казны» и обосновано авторское видение распределения имеющихся в России финансовых ресурсов, составляющих Резервный фонд и Фонд национального благосостояния. Особое внимание в работе уделено необходимости учета социальной составляющей при распределении средств из этих фондов.

В целом рецензируемая статья представляет безусловный интерес и может быть рекомендована к изданию.

Восколович Н.А., д.э.н., профессор кафедры экономики социальной сферы Экономического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

10.7. POSSIBILITIES OF RATIONAL USE OF PAYMENTS FROM NATURAL RESOURCES

V.L. Kireev, Post graduate Student

Tax Academy

Financial opportunities of business of real economics sector are limited. It is deal with unkorrekt use of nature resources by the ruling circles. It is necessary to establish new order in the case of transfer of superprofit. Foreign practices of nature rent draft can be usefull in development of such political and socio-economic program.

Literature

1. G.M. Fetisov. «Dutch disease» in Russia: macroeconomic and structural aspects. // Problems of economics 2006. №12. p. 38-53.
2. MBRR. The report about Russia economy, №12, Washington, 2006.
3. O. Dmitrieva. The formation of stabilization funds: preconditions and effects. // Problems of economics 2006. №8. p. 26-34.
4. Protectionist barriers with the countries – Russian trading partners. M.: INFRA – M. 2006.
5. Oil Windfalls: Blessing or Curse? Alan Gelb and Associates. A World Bank research publication. Published for The World Bank. Oxford University Press, 1988.
6. Hodler, Roland. The Curse of Natural Rent in Fractionalized Countries, Economic Department, University of Bern, March 29, 2004.
7. The Bank of Finland's Institute for Economies in Transition (BOFIT), BOFIT Russia Statistics and Review. 2005.
8. Government Pension Fund – Global, Annual Report 2005, table 2, p. 13.
9. Norges Bank. Government Pension Fund – Global, Annual Report 2005.
10. R. Gibbins, President, and C.V. Ploeg. Senior Policy Analyst. Investing Wisely. An Investment Strategy for Creative Leadership. Canada West Foundation, Calgary, Alberta, Canada, 2005, p. 4.
11. Warrack, Allan A. & Russell R. Keddie. Alberta Heritage Fund vs. Alaska Permanent Fund: A Comparative Analysis. Faculty of Business, University of Alberta, Edmonton, Canada.
12. R. Gibbins President and C.V.Ploeg. Senior Policy Analyst. Investing Wisely. An Investment Strategy for Creative Leadership. Canada West Foundation, Calgary, Alberta, Canada, 2005, p.17.
13. E. Lartey. Capital Inflows, Dutch Disease Effects and Monetary Policy in a Small Open Economy // Boston College. January 12, 2006.
14. T. Gylfason. «Natural Resources, Education, and Economic Development», European Economic Review 45; Hilaire N. Dutch Disease, Oil and Developing Countries // December 2004.

Keywords

Nature rent; stabilization fund; real economics sector; Dutch disease; economic growth; mineral raw materials; export; impor; tsuperprofit; inflation.